

83.3(2)7
Б 72 - 14

ЛИТЕРАТУРА

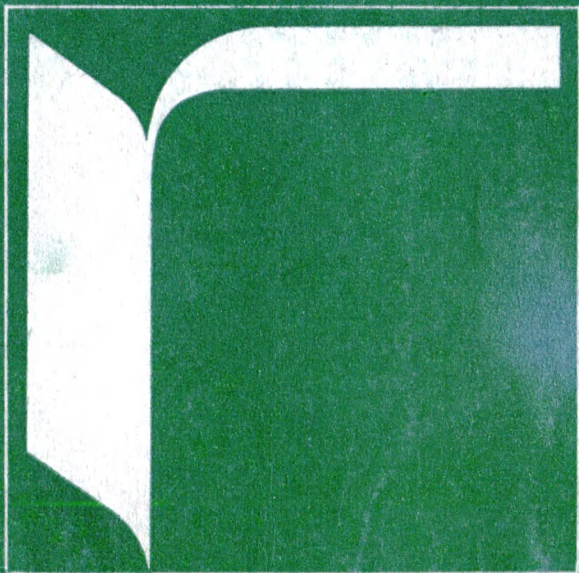
ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

1982' 10

В. Г. Боборыкин

ПРОЗА — 1981

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ЛИТЕРАТУРА

10/1982

Издается ежемесячно с 1967 г.

В. Г. Боборыкин

ПРОЗА—1981

Издательство «Знание» Москва 1982

ББК 83.3(2)7

Б 72

БОБОРЫКИН Владимир Георгиевич — кандидат филологических наук, член СП СССР, критик, автор многих книг, брошюр, статей по советской литературе.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
О самом главном	3
Военные мотивы	9
Уроки деловой прозы	20
Труд на земле	30
Хлеб художника	51
И еще о разном	60

Боборыкин В. Г.

Б 72 Проза—1981. — М.: Знание, 1982.—64 с.—
(Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Литература»; № 10).

11 к.

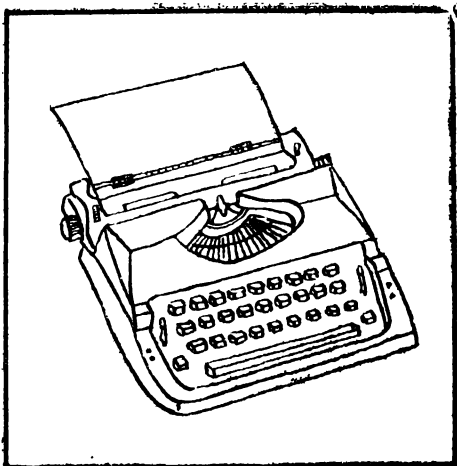
Брошюра представляет собой обзор наиболее значительных произведений советской прозы, появившихся в центральных и местных литературно-художественных журналах в 1981 году.

4603010102

**ББК 83.3(2)7
8Р2**

ОТ АВТОРА

Перелистывая предыдущие годовые обзоры журнальной прозы, в том числе и мною самим написанные, я то и дело досадовал, что одни произведения, достойные внимания, оказались в них пропущены, а другие, которые как раз можно было пропустить, довольно детально рассмотрены. Утешало одно: когда идешь по горячим следам литературных событий, такие издержки неизбежны. Естественно, и настоящий обзор не может претендовать на создание абсолютно полной и абсолютно объективной картины этих событий.

О САМОМ ГЛАВНОМ

Несомненно наиболее значительными остаются для нас события революции и гражданской войны, со всей их предысторией и тем, что сразу вслед за ними последовало. Понятно, что всякое обращенное к этому времени свежее произведение привлекает особое внимание.

В 1981 году появилось несколько таких романов. Самые заметные из них — Е. Иванова «Негромкий выстрел». Книга вторая («Молодая гвардия», № 4—7), М. Еленина «Семь смертных грехов» («Нева», № 1—3), В. Пикуля «Три возраста Окини-сан» («Нева», № 9—11), А. Кешокова «Сабля для эмира» («Дружба народов», № 9—11).

«Негромкий выстрел» — роман-хроника, как определяет его жанр автор, — опубликован еще не полностью. В той

его части, которая увидела свет в минувшем году, читателя ожидает как раз предыстория Октября. Действие ее начинается в канун первой мировой войны и охватывает подготовку к ней в странах Антанты и Тройственного союза и все те политические и дипломатические маневры, которыми вся война сопровождалась. В числе персонажей романа Николай II и Вильгельм I, окружение обоих императоров, крупнейшие политики, военачальники, дипломаты.

Ход военных действий автор не показывает. В поле его зрения попадает лишь несколько громких операций: бои в Бельгии и в Италии, Верден и Брусиловский прорыв. Но и эти операции либо только упоминаются, либо бегло очерчиваются в основном, так сказать, со штабных стратегических или с политических высот. А на самом первом плане действия замыслы и заботы каждого из двух императоров, интриги русских царедворцев, министерская чехарда, происки крупных дельцов, в результате которых русская армия терпит неудачи...

По чести говоря, нового тут мало. Разве что интересные отдельные документы и отдельные, должно быть, подлинные подробности событий.

Не ново и все то, что использует автор, дабы показать растущие революционные настроения масс и деятельность большевистской партии: мимолетные эпизоды забастовочной борьбы питерских рабочих, выступления агитаторов-большевиков в заводских цехах и во фронтовых окопах, разговоры солдат, уставших от войны...

Есть в «Негромком выстреле» только одна неожиданная интересная особенность: в нем, пожалуй, впервые показана работа русской разведки в годы первой мировой войны. Центральный герой «Негромкого выстрела», полковник Генерального штаба Алексей Соколов, — разведчик, притом самого высокого класса. У него широкая агентурная сеть в Южной и Центральной Европе. Он человек высокой культуры, острого ума, необычайной отваги. Дважды за время войны попадает он в руки врагов и оба раза с помощью друзей совершает побег. Правда, о самой работе его сказано глухо, а ее роль в войне и вовсе не раскрыта. Но и сам он, и его невеста, а потом жена Анастасия, дочь фабричного машиниста, вызывают симпатии, и это по крайней мере способно поддержать читательский интерес к роману.

В «Семи смертных грехах» М. Еленина — уже не предлюдия к Октябрю, а один из последних актов гражданской войны — 1920 год. Крым. Деникин, который до последнего времени командовал белой армией, потерял веру в победу над красными и отказывается от своей должности. На совете высших военных чинов главнокомандующим избирается Врангель. Новый вождь «белого движения» предпринимает отчаянные попытки укрепить, а точнее, оживить распадающуюся армию, найти для этой цели средства, вырвать помощь у европейских союзников. Широко показаны не только военные, но и политические и экономические усилия Врангеля и тех, кто был в ту пору рядом с ним: известных белых генералов, некоторых бывших царских министров, дельцов...

Все это автор раскрывает, опираясь на материалы, полученные, что называется, из первых рук, — на воспоминания Деникина, Врангеля и других генералов, напечатанные за рубежом, на документы, опубликованные в свое время в советской печати, но малоизвестные современному читателю. При всем том роман не является произведением строго документальным. В нем немало вымышленных персонажей. Есть и такие, которые, быть может, «списаны» с реальных лиц, но поданы не без необходимого в художественном произведении вымысла, чтобы ввести читателя в их быт и в их внутренний мир. Таковы, в частности, князья Белопольские — дед Вадим Николаевич, его сын Николай, внуки Виктор, Андрей и Ксения — все трое активные участники гражданской войны на стороне белых...

Поскольку с Белопольскими знакомишься довольно близко, они вызывают участие, к их судьбам не можешь оставаться безразличным. Это, естественно, сказывается и на том, как воспринимаешь события, в которые они вольно или невольно вовлечены. И вся нарисованная в романе картина растущего, все более неотвратимого разложения белой армии, а затем и бегства, сопровождаемого дикими, нередко кровавыми сценами, рождает у читателя не столько чувство удовлетворения, сколько печаль и горечь. Ведь вместе с убежденными и непримиримыми врагами революции гибнут или бегут в чужие края люди заблуждающиеся, а то и просто обманутые, искренне считающие, что действуют по законам чести и справедливости.

Гражданская война давно отгремела. Сейчас, с высоты сегодняшнего дня, мы можем объективно анализировать ход этой войны, изучать документы тех лет. А документы, приведенные в романе, убеждают читателя, что Врангель был не лишен политической зоркости, государственного ума и полководческого дара. Иное дело, что направлялись эти способности на защиту отживающего, прогнившего режима. Конечно, победа над ним далась нелегко и красным военачальникам, и красноармейским полкам.

Хотя и определенные перегибы автора, и чрезмерное обилие сцен, демонстрирующих духовный и нравственный распад людей, застигнутых катастрофой, порою раздражают, в целом роман интересен. Он заметно расширяет представление читателя об одной из героических и в то же время драматичнейших страниц в истории гражданской войны.

Более противоречивые впечатления оставляет роман В. Пикуля «Три возраста Окини-сан». Начинается он событиями, которые относятся к 80-м годам прошлого века, когда главный герой — офицер флота Владимир Васильевич Коковцев делает первые шаги по пути своей карьеры и своей военной судьбы. Не минул затем его и Цусима, и первая мировая война, и война гражданская. Несколько десятков лет службы Коковцева — это целая эпоха в истории русского военного флота. Она хорошо освоена Пикулем, и читатель получает обстоятельную информацию самого разного характера. О русских боевых кораблях и тех, кто ими командовал. О взаимосвязях России с другими морскими державами и, в частности, о весьма своеобразных отношениях с Японией, в портах которой тогда, в конце прошлого века, были постоянные базы русского флота. О законах и традициях морского офицерства — особой высокопривилегированной касты. Эта каста и составляет в «Трех возрастах Окини-сан» своего рода «среду обитания» почти всех героев. И все события, которые происходят в романе, включая и Цусимское сражение, и постепенное возрождение флота, и его переоснащение после Цусимы, и боевые схватки с немцами, рассматриваются как бы из этой среды глазами тех, кто к ней принадлежит.

Разумеется, автор вправе строить свое повествование так, как считает нужным, и было бы нелепо упрекать его в том, что он не вывел на страницы романа народные

массы. Но то, что он совсем не замечает эти массы, и корабли движутся по морям-океанам, словно бы только с одними офицерами на борту, и пушки стреляют будто сами собой, и офицеры никем не командуют, а лишь обмениваются своими мыслями, новостями да остротами, временами оставляет все-таки ощущение какой-то пустоты под ногами и некой невесомости всего происходящего.

Больше, однако, удручает легковесность, а нередко и перышливость повествования. В ходе всего действия, каких бы серьезных и сложных явлений автор ни касался, идет этакий небрежный салонный разговор: немного пикантного, немного изящного салонного остроумия, немного и не без снобизма — о политике и экономике. С этой легковесностью в конце концов свыкаешься, но в результате как-то не принимаешь всерьез происходящих в романе событий. Даже событий глубоко трагических, таких, как гибель русских кораблей в Цусимском бою, смерть героев, с которыми знаком с первых страниц романа, тяжелых неудач главного действующего лица, Владимира Васильевича Коковцева. Так и кажется, что все это придумано автором, чтобы пощекотать нервы читателя, тем более что многое и в самом деле откровенно придумано. Скажем, смерть сразу двух сыновей Коковцева (одного сына от временной японской жены, Окипи-сан, другого от постоянной — русской), которые сошлись в цусимском сражении, как на дуэли, с двух разных, враждебных сторон. Или убийство самим Коковцевым, уже старым человеком, его любовницы Ивоны. Или последняя встреча героя с Окипи-сан после долгих мытарств на фронтах гражданской войны и какая-то странно нелепая его гибель.

Так уже, перемежая подлинное и наспех сочиненное и не вызывающее никакого доверия, рассказывает автор о революции, гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке, о конфликте Коковцева с младшим сыном, который стал большевиком, о его собственных меганиях, приводивших его, уже полного адмирала, то к белым, то к красным... Читается роман без особого волнения и особых раздумий.

Роман А. Кешокова «Сабля для эмира» целиком посвящен событиям гражданской войны на Северном Кавказе, исторической борьбе большевиков против белой армии и мусавистов и меньшевиков. Должно быть, ни в какой дру-

гой области России в те годы не было большей неразберихи. Десятки народностей, населявших Кавказ, стремились к собственной автономии. И возникали бесчисленные правительств и правительства всяк со своей политической ориентацией и окраской. В ход событий непрерывно вмешивались англичане, французы и турки, которые тоже не ладили между собой.

«Все смешалось, как после землетрясения, — замечает один из персонажей «Сабли для эмира»... — Форменная чехарда с одной разницей — в чехарде один прыгает через другого, а у них один подминает под себя другого, а то и нож в ход пускает».

Сквозь всю эту сумятицу пытается прорваться к истине, к какой-то единой правде главный герой романа князь Жираслан. Князь этот — человек бедный и по семейной традиции занимается угоном лошадей. Одержим он еще и неумной жаждой правды, справедливости. И это обстоятельство, и характер его деятельности заставляют его посылаться по всему Кавказу и ввязываться в политические распри и в вооруженные столкновения самого разного характера. Сражается он и на стороне красных против белогвардейцев и бандитов, попадает и на службу к меньшевикам, оказывается и в стане исламистов. До самого конца романа он так и не находит верного пути. И лишь то, что ближе всего Жираслану обыкновенный трудовой люд, оставляет надежду, что в конце концов он решительно пойдет за большевиками.

Читать роман нелегко, так как он насыщен событиями и именами, по-видимому, хорошо известными на Кавказе, но часто малознакомыми всесоюзному читателю. К тому же автор несколько злоупотребляет всякого рода кавказской экзотикой: слишком подробно расписывает обычаи горцев, слишком насыщает их речь традиционно пышными выражениями. Это в большой степени утяжеляет роман. Но есть в нем немало поистине захватывающих эпизодов, а главное, если все же внимательно его прочесть, он создает очень полное представление об исторических событиях, значение которых трудно переоценить.

ВОЕННЫЕ МОТИВЫ

По меньшей мере две трети населения нашей страны, а возможно, и гораздо больше, — люди, которые родились после 1945 года, после Победы. Для них Великая Отечественная война — история. И она, эта история, уже написана — профессиональными историками и ветеранами войны, и крупнейшими мастерами слова. О том, что они видели, пережили, что открыли и в дни общенародной беды, и десятилетия спустя, ими уже рассказано. Новое слово, очевидно, скажут теперь другие поколения, которые увидят войну сквозь собственный «безвоенный» опыт и свои раздумья о мире, о человечестве, о стране. Но пока остаются в живых свидетели и участники Великой Отечественной, они будут дописывать и пополнять ее историю.

Военная проза 1981 года и представляет собой такие дополнения. Самое главное и самое ценное в них уже не подробности событий, а мысли, чувства, состояния людей, которым выпало нести на своих плечах тяжесть войны. Это состояние девушки Жени, которая добровольно ушла на фронт, попала в плен и вернулась из фашистского лагеря с тяжело и навечно раненой душой, о чем рассказывает М. Рольникайте в повести «Долгое молчание» («Звезда», № 4). Это и какая-то пропзительная жалость к ребятишкам, которая, как тяжелая болезнь, поселяется в сердце фронтовика Михаила Останина, героя повести В. Монастырева «Баллада о минерах» («Москва», № 2). Именно эта болезнь наверняка врежется в память читателя, хотя в основном повесть написана о другом — о том, как в только что освобожденном от гитлеровцев Новороссийске наспех созданные группы, состоящие главным образом из девушек, разминировали улицы и здания. Это и наблюдения и раздумья юного героя последнего, автобиографического романа В. Семина «Плотина» («Дружба народов», № 5) в уже освобожденном американцами, но еще не распушенном гитлеровском концлагере, где свивают гнездо блатные, культивирующие жестокость и насилие ради самоутверждения...

Некоторые произведения военной прозы 1981 года претендуют и на определенную широту повествования. Можно в этой связи назвать большую повесть М. Колосова «Три круга войны» («Новый мир», № 2, 3), романы О. Смирнова

«Неизбежность» («Знамя», № 10—12) и С. Цвигуна «Ураган» («Знамя», № 5—8).

Содержание повести М. Колосова — бесхитростный рассказ о пути, пройденном на войне героем, Васей Гуриным, сначала в качестве солдата, затем сержанта, о его товарищах, командирах, подчиненных... Есть тут, естественно, бои и походы, есть и военные приключения, которыми изобилует фронтовая жизнь, и скороспелая любовь. Хотя Вася Гурин чем-то напоминает Алешу в фильме «Баллада о солдате», чем-то лейтенанта Третьякова в повести Г. Бакланова «Навеки девятнадцатилетние», все же читаются «Три круга войны» с интересом. Чувствуешь, рассказана автором подлинная, не сочиненная история, быть может, даже и своя собственная жизнь. И очень искренне и увлеченно рассказывает.

Сложные чувства вызывает роман О. Смирнова «Неизбежность». Рассказ идет не о Западном — о Восточном фронте, о войне против Японии, о том, как шла подготовка к ней и как в результате стремительного наступления советских войск она складывалась в дальнейшем. Среди действующих лиц романа Сталин, маршалы Василевский и Малиновский и другие советские военачальники, Мао Цзэдун, Цзян Цин, окружение Мао... Материал этот сравнительно свеж, и он несомненно привлечет читателя. Однако написан роман так, будто автор задался целью дать облегченное изображение войны, странное после произведений К. Симонова, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Быкова, В. Кондратьева.

Идут по монгольской степи пехотные батальоны. Жесткая июльская жара, пыль, безводье. Уже не десятки — сотни километров за спиной, а они все идут. Днем и ночью. С короткими привалами для еды и сна... А рассказано об этом лихо, едва ли не весело.

«Удивительно, что до сих пор мы не изжарились живо. Но почернели, словно обугленные, усохли, ни намека на жирок, на гладкость. Лица заострились, носы, как рули торчат. Маршевые дни и ночи слились во что-то непрерывное, неделимое на сутки»...

Описания эти подкреплены такими же бодрыми и довольно искусственно построенными солдатскими беседами.

«Вслушался в солдатские голоса. Говорек Яши Вострикова:

— Война нам светит какая? Освободительная!

— Точняк, точняк, — отвечает Кулагин.

— Большого ума не треба, чтоб уразуметь это, — ворчливо вмешивается старшина Колбановский.

— Легче идти в бой, ежели сознаешь: за правду, за добро подставляешься под пули. — Надо, чтоб и тебе хорошо жилось и всякому другому заграничному человеку...

...Мой испытанный ординарец Драчев:

— Свой долг сполним... Что мы, не советского роду-племени?...» И т. д. и т. п.

Потом будет еще более трудный поход через горы, а у многих — через пустыню Гоби, и начнутся бои, и поредеют ряды солдат. Но они все до единого останутся такими же бодрыми, готовыми запросто преодолевать любые преграды.

Конечно, можно и так писать о войне. У Смирнова есть особые основания, чтобы писать именно так: его герои — это люди, которые уже выиграли войну против фашистской Германии; теперь у них и богатый опыт боев, и мощная техника, и уверенность в себе и в товарищах. Словом, это уже не те солдаты и офицеры, которые впервые встретили врага в сорок первом. И все же тот слишком бодрый, если не сказать бодряческий, тон, в каком ведет Смирнов свой рассказ, не всякий читатель примет. В частности, и потому, что сквозь него не прорвешься к душам героев. Все они одинаково brave вояки. Их трудно отличить друг от друга. И душевной близости к ним не испытываешь. Оттого ни успехи их, ни беды и потери глубокого волнения и участия не вызывают.

Документальный роман С. Цвигуна «Ураган» правильнее было бы назвать художественным очерком. В нем изложены подлинные факты, связанные с боевыми действиями диверсионных групп, партизан и подпольщиков в тылу врага в дни наступления фашистов на Москву. Есть в этом очерке и вымышленные или домысленные сцены и эпизоды, скажем, сцена совещания в ставке Гитлера, на котором было принято решение о проведении второго этапа операции по захвату Москвы. Но главный интерес в нем представляют именно факты и вообще документальный материал, ценность которого тем выше, чем меньше старался автор облечь его в художественную форму.

Роман Е. Коронатовой «Жизнь Нины Камышиной». Книга вторая. («Сибирские огни», № 9, 10), очевидно, нельзя прямо отнести к военной прозе. Никаких боевых действий в нем нет. События развиваются далеко от фронта — в Сибири, в глухих таежных селах, на приисках, на лесозаготовках. Но главное содержание этой вещи — война или по крайней мере все то и доброе и недоброе, высокое и низкое, что было вскрыто в людях тяжелыми испытаниями тех лет.

Героиня романа, Нина Николаевна Камышина, молодая интеллигентная женщина, мать двух маленьких детей, — человек отнюдь не героического склада. Нет у нее и такой жизненной хватки, которая позволила бы ей самостоятельно прорваться сквозь все невзгоды военного времени. И если ей, с ее физической слабостью, щепетильной порядочностью и прямоотой, удастся вынести и бесчисленные странствия по таежной глухомани, во время которых она, бывало и вместе с детьми, не однажды оказывалась на краю гибели, и голод, и тяжкий труд на лесоповале, и болезни, и разлуки, и все это среди чужих ей людей, то лишь потому, что большинство этих людей в условиях войны перестали быть друг другу чужими.

Действие романа не замыкается на том, что испытывает и переносит героиня. На судьбу Нины как бы напизаны многие другие судьбы. С одними людьми она связана долгие годы, и все, что выпадает им, включая порою жестокие несправедливости и неожиданные признания, победы и потери, вплетается в ее собственную жизнь. Другие люди лишь на короткий срок возникают на ее пути; кто-то оказывает поддержку ей в особенно трудные дни, кого-то она выручает из беды, а кое-кого, кому война оказалась «мать родна», выводит на чистую воду, благо связана с областной газетой как внештатный корреспондент. В конечном счете роман создает живую и широкую картину народной жизни на протяжении всей войны.

К военной прозе примыкают и политический роман А. Чаковского «Победа» («Знамя», № 1, 2, 8, 9), и повесть Ю. Мушкетика «Боль» («Дружба народов», № 4), некоторые другие произведения.

Разговор о «Победе» вряд ли необходим: роман печатается уже несколько лет, читателю он известен, и, видимо,

достаточно отметить, что в 1981 году появилось его продолжение.

Действие повести «Боль» Ю. Мушкетика происходит главным образом в наши дни. Но порождено это действие событиями военного времени. Повесть написана с профессиональным умением — Ю. Мушкетик далеко не начинающий автор, — но примечательна все же не столько своими достоинствами, сколько недостатками.

Герой «Боли», некий Микола, участвовал в войне как рядовой солдат. Однажды случайно, в качестве проводника, попал в разведку вместе с тремя опытными разведчиками, угодил в плен к полицаям и невольно — так уж получилось — выдал товарищей. Все трое были убиты гитлеровцами. Расстреливали они и Миколу. Но он чудом остался жив. Вернулся после войны домой...

Эпизод этот занимает в повести очень небольшое место. Все остальное ее пространство заполнено болью Миколы, из памяти которого ни годы, ни мирные дела и заботы не могут вытравить чувства вины перед погибшими товарищами. Изод дня в день он корчится от своей боли, от необходимости скрывать ее от окружающих и невозможности ее утолить. И читателю предоставлено наблюдать эти муки, не зная, чем они вызваны, потому что причина их раскрывается лишь где-то в середине повести.

В конце концов это становится просто утомительным, а когда выясняется, за что автор наказывает героя такими переживаниями, чувствуешь, что он, автор, ко всему прочему, не совсем прав. Во-первых, потому, что прямого предательства Микола не совершал. Во-вторых, потому, что своей исключительной совестью он вполне себя реабилитировал. Но главное, дочитываешь повесть с довольно сильным ощущением насилия автора над самой темой.

Конечно, военной прозы за последние годы заметно убавилось. Это уже отмечалось критикой. Процесс этот вполне естествен и закономерен. Но из литературы в целом, в самом широком понимании, война не ушла. Она только рассредоточилась, рассыпалась по множеству произведений, в основе своей не военных, и где всплывает отдельным эпизодом или воспоминанием ветерана, или человеческой судьбой, несущей на себе ее печать, а где вяжется в острый нравственный или психологический конфликт.

А нередко какой-нибудь эпизод или образ из военного прошлого возникает в памяти героя, для того чтобы он мог на миг прервать обыденную суету и оглядеться, ощутить истинную цену своих сегодняшних забот и страстей.

В повести Г. Бакланова «Меньший среди братьев» («Дружба народов», № 6) случайный разговор на черноморском пляже напоминает герою о давнем, военном:

«Бывало, пригонят пехотинцев, маршевую роту: и тех, кто побывал уже, из госпиталей возвращаются, и тех, кто еще выстрела вблизи не слышал. Стоят в лесу, дождь — под дождем стоят, наморенные-наморенные. Всем им наскоро прочтут про обстановку, про их почетный долг — и наступление...

...Вдруг стихнет артиллерийская пальба, и тут по всем телефонам: «Пошла! Пошла!» Сразу пулеметы, автоматы, дальняя трескотня... И общее напряжение: ну! ну!

Потом донесется: залегла пехота. И чертыхают ее сверху донизу: опять залегла! Немец по ней минами, пулеметы секут — головы не поднять, а отсюда чертыхают...

...И вот показалась реденькая цепь с винтовками, крохотные издали фигурки на склоне высоты. Как будто даже не бегут, а только наклонены вперед, так далеко до них. «Позор! Позор! Взять!» А там уже разрывы встают — впереди, позади, в самой цепи. И пехотинцы среди разрывов по склону. Но меньше, меньше их. А потом одни только разрывы по всей высоте до подножья...

Рядом с этим давним пляжная зарисовка: «На всем пространстве, на горячей гальке тела людей: лежат, сидят, стоят, плещутся в волнах. На всех теплых морях планеты, на океанских и морских пляжах молодое человечество греется на солнце, почти все оно родилось после той войны».

Никакого назидания. Просто — война и мир. И едва ли не физически ощущаешь, как это хорошо, когда «молодое человечество греется на солнце». Но и то, и другое — и война, и этот теплый мир — рождают у читателя чувство вины за ту, часто мелочную суету, в которую мы бываем погружены в обыденной жизни и о которой Бакланов с глубоким беспокойством рассказывает в повести. Тревожит писателя не сама эта суета — вокруг должностей и званий, и материальных благ, и престижных или непрестижных положений, а то, что она разрушает в человеке главное.

Герой повести, профессор истории Илья Константинович захвачен замыслом написать книгу о том, как мир был взорван войной, «как это было, как смогло стать, как многого могло не быть».

Илья Константинович действительно способен написать такую книгу. Но напишет ли? Найдет ли время и силы, если и его собственная жизнь постыдно суетна, если он то и дело пасует перед женой, существом тщеславным и пустым, и то поглощен заботами о благоустройстве дачи, то трудится над предисловием к безграмотной работе некой влиятельной дамы, а то не спит ночь, потому что в институте открывается соблазнительная вакансия — должность декана. Какие уж там труды для просветления человечества!

Повесть Бакланова — произведение отнюдь не пессимистичное. В ней мало комплиментов современникам и вообще большого горького, чем сладкого, но нет ни нытья, ни брюзжания, а есть далеко не бесполезный для читателя опыт — собственный житейский опыт героя и широкий исторический, благо история — его специальность. Особенно выделено в том и другом то, что больше всего разъединяет людей, рождает их взаимное отчуждение, и в первую очередь тщеславие и честолюбие.

Теми же, что и в повести Бакланова, поисками путей и средств к сближению людей, к доверию, к пониманию друг друга пронизаны и согреты повести И. Грековой «Вдовый пароход» («Новый мир», № 5) и Г. Пряхина «Интернат» («Новый мир», № 3).

Во «Вдовьем пароходе» — пять вдов, которых война свела в одной московской коммунальной квартире. У всех пятерых и достаток одинаковый, и положение. Все остальное донельзя разное. Ада Ефимовна Заяц — бывшая опереточная актриса, потом билетерша, дама манерная и глупая, но добрая. Панька Зыкова — монтер. «Высокая женщина — полумужчина». Груба, свирепа. Голубая ее мечта — «чтобы всем было одинаково. Если нельзя одинаково хорошо, пусть будет одинаково плохо». Капитолина Гущина — почтой сторож. Особа крайне любопытная, недобрая и ехидная. Только двое из пятерых сразу внушают симпатию: Анфиса Громова, бывшая фронтовичка, медсестра, и Ольга Ивановна Флерова — бывшая пианистка, затем, после тяжелых травм во время бомбежки, — музыкальный работник в Доме ребенка.

Обеим досталась особенно тяжелая и сложная судьба. Но получилось, что именно они сохранили самые богатые залежи отзывчивости, способности любить и понимать людей.

Все вдовы образуют такую недружную «команду», что «вдовый пароход» превращается в арену почти постоянных битв, «образовывались группировки, коалиции, заключались союзы. Коалиции менялись, как узоры в калейдоскопе, чаще всего по неизвестным причинам. Иной раз все ополчались против одного. А бывали мрачные периоды войны всех против всех».

Эти войны, возникновение и распад «коалиций», долгие или недолгие перемирия занимают в повести немало места. И тем не менее вовсе не коммунальный быт составляет ее главное содержание. Постепенно раскрываются натуры каждой из вдов, со всеми ее добродетелями и недобродетелями. И все больше убеждаешься, что любая из них — весьма распространенный человеческий тип. Их и сейчас полно среди нас. Только в наше время почти все эти Капы, Паньки, Ады разбрелись из «коммуналок» по отдельным квартирам, и все то доброе и недоброе, что прежде они чуть не ежедневно выплескивали друг на друга, теперь ушло в глубины душ и натур и, нерастраченное, сгущается, отстаивается, копит силу. И доброе часто так и остается переализованным, а недоброе молча делает свое дело — разделяет и отделяет людей друг от друга. Именно этим и обеспокоена автор повести.

«В нашей квартире, — говорит Ольга Ивановна Флерова, — все были за справедливость, но каждый понимал ее по-своему. И каждый по-своему был прав. Одно из самых тяжелых убеждений, вынесенных мною из жизни: каждый человек внутри себя прав».

Эта правота каждого «внутри себя» действительно самое тяжелое в человеческих отношениях. И главный смысл всего рассказа, который ведется в повести от имени Ольги Ивановны, в преодолении ею своей собственной, слишком частной и потому эгоистичной правоты. Особенно важны ее запоздалые раскаяния. Как раз оттого, что они запоздалые...

«...Эх, мне бы не спорить с ним, мне бы постараться его понять...»

Когда во «Вдовьем пароходе» роль наиболее отзывчивых и душевных людей достается тем, кому война принесла

особенно тяжкие испытания — Анфисе и Флеровой, — это еще можно отнести на счет особых пристрастий автора, который сам успел отведать войны. Но то же самое происходит и в повести-воспоминании молодого прозаика Г. Пряхина «Интернат», где за каждым персонажем угадывается реально существовавшее лицо. Самые добрые воспоминания героя повести Сергея Гусева связаны с именами учительницы Екатерины Петровны, в последний год войны потерявшей отца и затем хлебнувшей всякого лиха, Учителя, который воевал, прошел плен и фашистский концлагерь, и Алексея Васильевича Маслюка — фронтовика, заводского наставника Сергея. Рассказано о них с такой любовью и признательностью, с какой говорят лишь об очень близких людях. Всех их отличает прежде всего одно и то же качество — доброта.

В романе П. Халова «На краю земли» («Наш современник», № 4, 5) показана широчайшая картина действительности. Его герои участвуют в Великой Отечественной и восстанавливают порушенное войной хозяйство, ходят в океан на лов рыбы и прокладывают трассы через таежные дебри и топи, погружаются в исторические разыскания и совершают мысленные экскурсии в будущее. Они вступают в смертельные схватки то с жесточайшей морской бурей, то с гигантским лесным пожаром, ведут танковые атаки на пылающую тайгу, спасают друг друга в совершенно, казалось бы, безнадёжных ситуациях. И все это рассказано и показано, хоть и несколько тяжеловесно, зато с той основательностью и раздумчивостью, которые отличают труд художника, умеющего наблюдать жизнь и раскрывать ее процессы с подлинно исследовательским вниманием.

При всем том увлечение, с которым начинаешь читать «На краю земли», постепенно угасает, и чем дальше, тем больше что-то тяготит в этом романе и угнетает. В конце концов становится ясно, что это «что-то» — необычайное обилие героев, каждый из которых требует преклонения, и острый дефицит просто добрых людей, к которым можно было бы прислониться душой. Собственно, лишь один такой персонаж появляется в романе — молодая жепщина Мария, нежданная и впезанная любовь главного героя, писателя Коршака. Но она остается перазгаданной и героем, хоть с первых минут знакомства для него, казалось, «не было тайды в ней», и самим автором. И жогда, прожив с Коршаком

несколько лет, родив ему сына и по-прежнему горячо любя его, она вдруг от него уходит, ни потрясенный Коршак, ни, похоже, сам автор не знают, как это объяснить. Наверно, для обоих остаются загадкой ее слова о персонежах коршаковских книг, сказанные незадолго до ухода: «Зачем тебе все эти странные люди-привидения?.. Это болезнь, болезнь это, пойми ты, ради бога! Ты мне нужен земной, здоровый, рядом. Ну, чего тебе не хватает? У тебя — я, Сережка! Хочешь — рожу дочку. Пусть не будет ничего — ни денег, ни книг, пусть нечего будет есть, но пусть уйдут эти люди твои».

Мария, судя по всему, что происходило с ней и с Коршаком до того, как сказаны эти слова, не мешанка и не насадка, готовая привязать романтически настроенного мужа к своему подолу. Ей просто становится не под силу жить в компании тех суровых железных людей, которыми Коршак окружил и себя, и ее и которых «нет, но они есть».

Даже недолгого пребывания среди них оказывается достаточно, чтобы и читателю захотелось уйти вслед за Марией.

В 1981 году появилось достаточно много произведений, герои которых тоже, случается, проходят через нелегкие испытания и даже совершают подвиги, и оставляют глубокий след в читательских душах. О многих таких романах и повестях мы только что говорили, можно назвать и другие... Герою повести Н. Думбадзе «Кукарача» («Дружба народов», № 1), участковому милиционеру по прозвищу Кукарача, уж чего-чего, а мужества, отваги, решительности не занимать. И жизнь его, и смерть — лучшее тому подтверждение. Но покоряет он в первую очередь своей удивительной, поистине самоотверженной добротой. Тем и привлекла читательские симпатии эта маленькая повесть.

Учитель Саак Камсарян в романе В. Петросяпа «Одинокая орешипа» («Дружба народов», № 1) едва ли не в одиночку борется за сохранение древнего села, которое признано неперспективным. Но его упорство казалось бы фанатичным и в конце концов стало бы вызывать раздражение, если б не было насквозь пронизано любовью к людям и заботой о сохранении в них того, что их всегда сблизало и объединяло.

Нечего и говорить, что сильные, волевые, целеустремлен-

ные натуры нисколько не обесценены ни в жизни, ни в литературе. И твердость, и упорство, и отвага не утратили своей притягательности. Но все эти качества особенно влекут и авторов, и читателей, когда возвращены на доброту и любви к людям, и направлены на достижение благородных целей.

А доброта ценится и сама по себе, когда она остается незащищенной. Во многих произведениях как раз и показано, как беззастенчиво пользуются такой незащищенной добротой и как теснят ее, чтобы утвердить себя, и эгоизм, и наглость, и тупость, и бессердечие.

Во «Вдовьем пароходе» в Доме ребенка, где уже несколько лет работают Анфиса и Ольга Ивановна, появляется новая заведующая...

«Войдя в Дом ребенка, она сразу сказала: «Беспорядки!» — и все притихли. Она сложила губы, зажав их изнутри, как пинцетом, и мы поняли, что нам придется круто. Так и получилось.

Инна Петровна была неумна, зла и битком набита педагогикой. Страшная была наука! О самом живом говорила самыми мертвыми словами».

И вот и Флерова загнана в угол, и Анфиса... «Скоро пришлось уволиться из Дома ребенка Анфисе, самой любящей, самой талантливой из нянечек. Талант — это любовь, и он у Анфисы был в полной мере. А у Инны Петровны, как это часто бывает у профессиональных руководителей, был безошибочный нюх на все свежее, нестандартное. Она сразу его вытаскивала на свет и упраздняла. Так произошло и с Анфисой».

В повести Л. Уваровой «Сумерки после полудня» («Юность», № 11) весь сюжет построен на столкновении доброты и непроходимого эгоизма. Героиня повести, Мара, как зовут ее в семье, женщина беспечная и эгоистичная, не только предает и жестоко травмирует двух своих детей-подростков и мужа, но и сохраняет при этом искреннее убеждение, что они просто обязаны быть счастливы за нее. Она так и говорит старшей дочери: «Ты должна радоваться, что мне хорошо...»

Надо ~~лучше~~ говорить, что Мара вызывает острейшую антипатию. И тем более сильное чувство близости испытываешь к ее мужу, человеку редкой доброты и деликатности,

Такое же, как Мара, на первый взгляд обаятельное, обворожительно легкокрылое, а на самом деле безнадежно эгоистичное существо — Леонид Михайлович Забродин, «наш Лепечка», в повести С. Славича «Конфликт» («Новый мир», № 12). И таким же тяжелым грузом ложится воздушная легкость его характера на плечи близких людей и в первую очередь — жены Забродина, Софьи Петровны, доброй, славной и глубоко порядочной женщины.

Впрочем, доброта и порядочность Софьи Петровны подвергаются испытаниям не только со стороны Лепечки. Есть среди персонажей повести люди откровенно злые и бесчестные. И главный конфликт ее сродни детективному: в основе его смерть человека. Не обходится и без следствия, ведет которое, правда, не угрозыск, а врачебная комиссия, возглавляемая Софьей Петровной. Но по ходу действия раскрывается не состав преступления, а «состав» воинствующей бесчестности, подлости и, в сущности, преступного безразличия к людям.

Почти детективный характер носит и сюжет повести Е. Евтушенко «Ардабиола» («Юность», № 3). Здесь, собственно, совершается настоящее преступление: группа подростков до полусмерти избивает талантливого молодого ученого, которому удастся открыть средство против рака. Врачи с трудом возвращают его к жизни, но оказываются бессильны восстановить его память и способность к научному мышлению. Открытие его остается нерезализованным.

Полуфантастическая история с этим открытием играет, однако, хоть и очень важную, тем не менее служебную роль в сюжете. Она необходима, чтобы читатель мог увидеть и ощутить, какие огромные и непоправимые потери человечеству могут нанести и наносят своевременно не остановленные наглость, злоба и жестокость, которыми нередко бывают поражены даже подростки.

УРОКИ ДЕЛОВОЙ ПРОЗЫ

С давних пор повелось считать особенно знаменательными событиями нашей литературной жизни появление крупных произведений производственной прозы. Именно от нее, от производственной, критика ожидала и по-прежнему ожидает, говоря ее собственными словами, решения «глав-

дейщих острых вопросов времени», глубокого и основательного «проникновения в эпоху», «широкого наступления»...

Ожидания эти закономерны. Ведь это по ее, производственной прозы, «ведомству» проходит и научно-техническая революция, и завоевание космоса, и создание все более могучей техники, и широкое преобразование природы, результатами которого мы, правда, пока не столько восхищены, сколько озадачены. Но выходят в свет все новые производственные эпопеи, а связанные с ними надежды далеко не всегда оправдываются. И если критика с их появлением оживляется, затевает обсуждения, дискуссии, то читатель, как правило, остается безучастным: в эпоху-то они вроде бы и проникают, а в его, читательское, сердце нет.

В чем же дело? Наверно, в том, что не единым производством сегодня жив человек, не в нем одном суть и смысл сегодняшнего нашего бытия.

Важнейшие вопросы времени легче встретить в произведениях, которые не замкнуты на чисто деловых проблемах, а соединяют их с другими — социальными, духовными, историческими. Что касается чисто производственных вещей, то, как правило, это не что иное, как пространные очерки. И хоть называются эти очерки романами и бывают наводнены ради «художества» всякими семейными, любовными историями и прочей «личной жизнью», для увлекательного чтения они мало пригодны. Можно во всяком случае почувствовать героине производственной — на железнодорожных темы — повести В. Барабашова «Жаркие перегоны» («Молодая гвардия», № 7), проводнице Людмиле, которая в свободную минуту «принялась было за книгу. Но не читалось. Роман попал скучный: где-то на севере тянули газопровод, строители все время спорили по каким-то не очень понятным производственным вопросам, не хватало труб, мешали комары...»

Жизнь человеческая в таких очерках-романах получает обычно крайне упрощенное изображение, несколько не помогающее читателю распутывать свои житейские да и деловые узлы.

Хорошо героям романа И. Виноградова «Плотина» («Звезда», № 2, 3). У них чуть что не так — «скорей на плотину, друг!.. едва подумалось тебе не совсем хорошо о хорошем человеке — шагай поскорее туда на восток! От соб-

ственных искусительных и угнетающих мыслей — туда же спешить! Когда почувствуешь, что с чем-то нельзя думать, а можно только работать, — вперед, на плотину, дружище! Вспомнил о женщине, тебя отвергнувшей, — и опять не найдешь ничего лучше, как подняться туда же...

Героев романа В. Кожевникова «Корни и крона» («Знамя», № 9, 10), рабочих и инженеров завода электродвигателей, целиком занимают вопросы иного плана: как подтянуть заготовительные цехи, где все еще стоит устаревшая техника, что лучше — сдельная оплата или бригадный подряд, как получить престижный заказ — на мощные сверхсовременные двигатели, — если завод по своему оснащению еще не вполне готов к его выполнению. Три эти проблемы обсуждаются персонажами романа непрерывно — на заводе и в семейном кругу, на рыбалке и за праздничным столом. Они рассматриваются и с социальной точки зрения, и с политической.

Те производственные идеи, которые выдвигаются в «Корнях и кроне», важны. И, надо надеяться, несколько плакатный, но зазывной коллективный портрет заводского люда, созданный автором, сыграет свою воспитательную роль. Роман не вводит читателя в мир особо интересных людей и волнующих событий, ему скорее надо быть готовым к терпеливой учебе — производственной и политической. Впрочем, я ни в малой степени не упрекаю автора в таком направлении его произведения. Жизнь выдвигает много проблем, и литература должна откликаться на них в разной форме, в том числе и в виде публицистического романа.

В «Плотине» тоже поднимаются важные, в сущности, вопросы. Но как-то крайне осторожно и нерешительно.

Бурным весенним паводком сметены многие уже возведенные строителями ГЭС конструкции вместе со всей техникой. Постепенно все это восстанавливается, стройка вновь набирает силу, но уже не уйти от горестного вопроса: кто виноват? На стихию всего не спишешь. И возникают критические размышления автора, самокритичные — героев. Увы, слишком общие и в конечном счете недейственные.

«Многовато еще у нас всяких сбоев и неурядиц своих собственных. Мы их, конечно, преодолеваем, справляемся — человек со всем может справиться! — и идем дальше. Так и должно быть на стройке. Но надо, наверное, и анализиро-

вать всякую мелочь и пресекать, чтобы она не повторилась. А то ведь накапливается вся эта зловредная текучка...» Это один из ведущих персонажей романа, начальник участка Густов рассказывает о делах стройки заезжему корреспонденту. Рассказывает, мнетя да и то вдруг спохватывается: «Так можно и лишнего наболтать».

Так же вяло, с постоянными оглядками ведется разговор на другую не менее важную тему — о необоснованном сокращении сроков строительства, с которым строители вынуждены согласиться, хотя понимают, что в итоге стройку будет еще больше лихорадить и еще чаще будут возникать сбои и неурядицы, а это неизбежно скажется на качестве работ.

Кстати, на фоне этой вялости в решении важнейших вопросов то поэтическое воодушевление, с каким ведется рассказ о трудовых свершениях строителей, кажется не вполне уместным. И едва ли заразит оно читателя.

Много больше шансов привлечь читательское внимание у романа писателя коми Г. Юшкова «Чугра» («Север», № 9—11). Содержание «Чугры» — причудливое переплетение судеб и событий, разделенных иногда десятками лет, но развивающихся в сюжете романа как бы одновременно.

Вот жуткий эпизод расправы кулаков над группой красноармейцев. В коротком бою у села Горвадин погибли все бойцы. Сбегаются понукаемые кулацким вожаком Евстафием бабы — добивать раненых. Среди них и вечная должника Евстафия Вириная. Ее руки тоже в красноармейской крови — топором действовала. И тут же рядом с этим эпизодом... «Нужда в работниках была такая, что хоть завтра лети вертолетом на любую буровую. Однако Павла, человека не постороннего, Варнаков не торопил...» Это уже о внуке Вириной, Павле Бажукове, знатном буровике, которому в недалеком будущем суждено первым добраться до печорской нефти. А откроет эту нефть геолог Самарин, сын того самого Самарина, который командовал красными бойцами в бою у Горвадина и сам был убит кулацкой пулей.

И сын Евстафия, охотник Гурий, и внучка Ангелина, и профессор Тихомиров, учитель Самарина, а затем, волею судеб, его подопечный, и отец Павла Ардальон, дезертир, двадцать лет скрывавшийся от людей в тайге, — все они, люди разных времен, участники разных событий, появляются

ся рядом, порою как ровесники. Сходятся и переплетаются таким образом судьбы детей и отцов и дедов, и оживает вся эпоха от времен гражданской войны до совсем недавних дней, от кровавой борьбы за Советы, за хлеб до бескровной, но передко столь же тяжелой и опасной борьбы за нефть. И когда в финале романа из скважины, пробуренной по напряженнейшим расчетам Самарина, ударяет, наконец, мощный нефтяной фонтан, не только разделяешь иступленную радость геологов и буровиков, но и со смешанным чувством гордости и печали думаешь о том, чего стоило это открытие — каких трудов, какого мужества, каких бесценных человеческих жизней!

«Чугру» не назовешь вещью острозлободневной, хоть есть в ней и чисто производственные, и социальные, и нравственные проблемы, которые в наши дни нисколько не утратили актуальности. Но роман как жанр и не предназначен для решения злободневных вопросов. В тех, увы, нередких случаях, когда он все же выводится на передовую сегодняшних хозяйственных задач, он обычно куда менее действителен, чем хороший обычный очерк или живая увлекательная повесть.

С таким романом повесть соперничает все успешней. Ей не нужна монументальность. От нее никто не требует глубокого пропикновения в эпоху. Она вправе концентрировать действие на отдельных, но зато истинно деловых вопросах. И часто случается, что, рассматривая эти деловые, порою, кажется, сугубо частные вопросы, открывает нечто много более важное и в социальном, и, если угодно, в политическом плане, чем иные многотомные романы.

В повести А. Каштанова «Коробейники» («Новый мир», № 6, 7) — история хорошего человека, молодого способного инженера Юрия Юшкова (нечаянного однофамильца автора «Чугры»), который с успехом работал бы и в науке, и на производстве, но, так уж вышло, угодил в заводские снабженцы, то есть как раз в категорию работников, которые и в жизни, и в литературе особой популярностью не пользуются. Юшкову тем не менее симпатизируешь. Он честен, порядочен, а вместе с тем предприимчив и по-настоящему верен делу. Его снабженческие акции принимаешь близко к сердцу, они захватывают, даже заражают азартом. Его победам радуешься, как своим. Но с самого начала и раздумываешь,

ваешь. Не без горечи. Что ж это за победы такие? Ну раздобыл человек для родного завода дефицитные материалы. Те, которые заводу и без того обязаны были поставить, да вот вовремя не поставили. Чему же тут радоваться? Тому, что человек этот вынужден латать прорехи в планировании и снабжении, нещадно эксплуатируя качества своего ума и души, которые достойны куда лучшего применения? Тому, что и обаяние свое, и отзывчивость, и чистосердечие использует в конкурентной борьбе с другими таким же снабженцами? А эти другие? Получается, что по самому роду своей службы они должны и ловчить, и лицемерить, и балластировать на грани чести и бесчестия. И добро бы это были отдельные случаи...

По мере того как вместе с Юшковымходишь в среду этих людей, убеждаешься, что они, по существу, составляют уже некую особую социальную группу. У них свой гостинично-дорожный быт, с выпивками, которые диктуются «производственной необходимостью», подношением «подарков» поставщикам, легкими любовными связями, порою не без той же «производственной необходимости». У них свои особые отношения, а главное — своя правственная атмосфера, более чем небезопасная для человеческой души, поскольку питает ее постоянное будничное противоречие между высокой целью их усилий (выручить родной завод, обеспечить выполнение плана) и весьма невысокими, иногда и вовсе низкими средствами ее достижения.

Юшкову, человеку свежему на снабженческом поприще, до времени в этой атмосфере душновато. Но может быть, именно до времени?..

Переживая за Юшкова, начинаешь испытывать острый интерес к тем заводским проблемам, которые ему приходится решать, и мыслить начинаешь по-хозяйски, и к вопросам экономики в целом чувствуешь весьма серьезное влечение. Иными словами, действует повесть. Так, как, видимо, и должно действовать произведение «деловой прозы».

Точно так же, глубоко сочувствуя герою, разделяя и заботы его, и внутренние противоречия, втягивается читатель в обсуждение важных социально-экономических вопросов, поднятых в повести В. Жигалкина «Управление» («Сибирские огни», № 10, 11).

Главою одного из Управлений общесоюзного строитель-

ного треста назначен молодой перспективный инженер. Настолько молодой (тридцать с хвостиком), что для кадровых управленцев он все еще просто Андрей. А под началом Управления (взрывные и землеройные работы) территория, равная площади всей Европы... Такие назначения у нас, чего греха таить, в диковинку. И может быть, поэтому сразу начинаешь испытывать интерес и к самому герою, и к тому, как будут развиваться дальнейшие события.

Забегаая вперед, можно сказать: ничего в этой истории автор не упрощает и нисколько не облегчает герою его пути. Будет Андрей ошибаться и ушибаться, не так уж и скоро расположит к себе людей, заслужит их доверие. Автор не пользуется никакими стереотипами в обрисовке ситуации, и что-либо заранее предвидеть читателю не дано. Может быть, потому читается произведение с большим интересом.

Но самое важное в повести — конфликт Андрея с главным инженером Управления Сергеем Владимировичем. Нет, это не поватор против консерватора. У каждого из них свой резон. И не так-то просто решить, чей предпочтительней. А суть дела такова.

Сергей Владимирович «выбил» для Управления мощнейшую новую технику. Появилась возможность резко повысить производительность труда — чего и ждут наверху, в тресте, — улучшить организацию работ и в целом по-своему рационализировать все хозяйство. Дело за малым: надо уволить высвободившихся специалистов. На этом и настаивает главный инженер. Андрей ищет иного пути: пытается найти новых заказчиков, расширить фронт работ и так или иначе избежать увольнений. Ясно, что эта линия демократичней и человечней, но Управлению, которое могло бы стать эталонным, она явно не на пользу.

Кто же прав и кто неправ? Автор держит сторону Андрея. И организует ему победу в этом конфликте. Но в то же время подчеркивает, что Сергей Владимирович, хотя человек он сугубо деловой, крутой и жесткий, пользуется в Управлении большим авторитетом. Повесть наводит на весьма серьезные размышления. О том, в частности, что определенное перераспределение сил и средств в довольно широких масштабах, по-видимому, необходимо, как необходимо нам и максимально рациональное использование специалистов и техники.

В числе вопросов, которые особенно волнуют деловую прозу последнего времени, — вопросы управления хозяйством. При этом подвергаются исследованию и сами механизмы управления, и те силовые поля служебных и человеческих взаимосвязей, симпатий и антипатий, которые ими возбуждаются и которые, в свою очередь, оказывают на них немалое и не всегда благотворное действие.

В повести Ю. Мамакина «Тяговое плечо» («Наш современник», № 2) целая глава — подробный хронометраж рабочего дня одного из главных героев, начальника отделения железной дорогой (НОДа) Мазура.

Вся глава — служебные разговоры, указания, доклады, выговоры... Читать скучновато, но получаешь точную квалифицированную информацию о работе многочисленных служб отделения, о том, как дирижирует ими Мазур, опытный специалист, настоящий хозяин дела.

А работает отделение слаженно, без существенных сбоев. Есть у него и такие достижения, которые побуждают министерство присмотреться к нему с особым вниманием, поставить в пример другим. И вот уж кое-кому на дороге начинает казаться, что так будет всегда, что и без Мазура, при любом другом НОДе дело пойдет не хуже. А Мазур тем временем успевает вызвать неудовольствие некоторых своих коллег: пижестоящих — требовательностью, вышестоящих — независимостью и строптивостью. И уже от одних к другим идут токи взаимного понимания и сочувствия. И возникает напряжение, которое, случись что неладное, вполне может разразиться грозой.

Неладное и случается. Происходит на участке отделения тяжелое ЧП. Здесь же вспоминаются чьи-то давние обиды, подлинные и мнимые упущения НОДа. Короче, снимают Мазура. А отделение отдают главному его недоброжелателю, председателю комитета профсоюза дороги Ныркову, краснобаю и демагогу, которому полугода оказывается достаточно, чтобы развалить работу.

История эта лишь тем и необычна, что слишком уж споро управляется новый НОД с преобразованием передового хозяйства в отстающее. События подобного рода, как правило, развиваются не столь стремительно, оставляя «преобразователям» время, чтобы найти и выработать убедительные оправдания своим упущениям и своему неумению ве-

сти дело вообще. И держатся пырковы на плаву гораздо дольше, чем мазуры.

Сергей Павлович Нырков необходим в повести не только ради того, чтобы продемонстрировать такие формы и методы управления, которые нередко являются источником возникновения наших производственных и социальных проблем. Деятельность его позволяет автору рассмотреть и нечто иное — технологию показухи, демагогии и безответственности, благо на этот счет у Сергея Павловича, художника от демагогии, многолетний и вполне безнаказанный опыт. Если не считать, правда, поражения, которое он терпит уже на склоне своих благополучных дней.

Технологией этой интересуется не один Ю. Мамакип. В «Открытии» Б. Гусева («Новый мир», № 12), произведении, жанр которого автор определяет, как «Несколько сцеп из деловой жизни», она раскрыта еще полнее.

Большая часть «сцеп» отдана напряженной работе мысли, поискам, расчетам делового человека Федора Аникаповича Атаринова, озабоченного сотворением... собственной карьеры. Но вовсе не для того «отдапа», чтобы усовестить карьеристов и осудить карьеризм как явление. У Гусева глубоко практическая цель: показать, как это явление отражается на судьбе дела.

В результате всех своих и не только своих усилий Атаринов становится начальником опытного производства крупного отраслевого НИИ. Он неглуп и не лишен инженерных способностей. И если бы на повый, высокий пост его вознесли смелые инженерные идеи и решения, он несомненно оказался бы на своем месте. Но карьеру ему обеспечили «пужные люди» и хитроумные дипломатические ходы, и все та же демагогия и показуха. Всем этим он теперь «повязан» настолько, что ему уже не до инженерных идей. Больше того, люди, которые ими одержимы, становятся для него неудобными людьми. От них одно беспокойство. С ними стало опасно иметь дело. И они начинают уходить.

Ушел из НИИ и бывший друг Атаринова, Хрусталеv, талантливейший специалист, создатель станка, которому «в Европе нет конкурентов». Принят на его место некто Никифоров. О нем говорят: «Послабей предшественника». Сам Атаринов сознает: «Никифорову до Хрусталева как до звезды небесной! Но (по!) вот, пожалуйста, Хрусталева нет, а

дело идет и, между прочим, план выполняется и даже перевыполняется. И никакой катастрофы не происходит. Все потому же: не это решает!»

Лично для Атаринаова, действительно, «не это». И потому на опытном производстве станок с программным управлением, предназначенный для высокоточных фрезерных работ, используется для изготовления гаечных ключей, уникальная камера, где производились точнейшие работы, обходящаяся институту в полтора миллиона рублей, — для хранения заготовок-болванок. А план выполняется.

Все это не выдумано автором. В финале повести, не выдержав спокойного повествовательного тона, он откладывает в сторону стило художника и берет в руку привычное журналистское перо...

«Бывший Обуховский завод, ныне «Большевик», за Невской заставой. Какие там есть цехи, какие площадки! Разверзаются своды, открываются небеса — и остановишься, пораженный гением трудолюбия и мастерства...

«Будете писать — напишите: мастерство у нас мало ценят. Квалификация падает, утрачивается стимул обрести мастерство. И подмастерья теснят мастеров, а этого нельзя допускать...»

Это сказал обуховский лекальщик-наставник, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР Петр Николаевич Иванов...

Да, «квалификация найдет, утрачивается стимул...». Потому что для некоторых хозяйственных руководителей «не это решает». Потому что лишь бы выполнялся план, а что за план и какой ценой — не суть важно. Потому что сидит на месте Хрусталева бездарный Никифоров... «и пусть сидит. Не цервирует, не требует, не претендует — сейчас именно такие пужыны...».

Не все повести на производственные темы отмечены высоким художественным мастерством. Но все или почти все читаются с увлечением, заставляют думать, искать... И прежде всего потому что нет в них, как правило, никакой развесистой клюквы. Есть знание дела. И сосредоточенное внимание к нему — авторов и соответственно героев. И есть искренняя радость, когда выпадает случай рассказать о хорошо поставленном деле, и настоящая боль, когда — о деле, поставленном плохо, о проблемах нерешенных.

Повесть В. Барабашова «Жаркие перегоны» набита такими проблемами настолько плотно, что диву даешься, как уместил их автор на столь небольшой площади. Тут едва ли не все страсти и горести и тех, кто работает на железнодорожном транспорте — от проводника до министра, и тех, кто им пользуется — от обычных пассажиров до крупных промышленных предприятий. И читаешь — волнуешься, переживаешь.. Секрет в том, что проблемы эти в повести не обсуждаются а действуют, создают острое, порою подлинно драматичное сюжетное напряжение. Это и от умелого построения сюжета, но и от их собственной жизненной остроты.

Наверно, не стоит огорчаться по поводу того, что не слишком часто появляются крупные полотна производственной прозы... Выходят в свет повести. Они все совершенней, острее, действенней. И пусть не каждая в отдельности — вместе взятые, они вполне успешно решают задачи, которые и должна решать истинно деловая проза.

В сущности говоря, и «деревенская проза» в значительной своей части имеет прямое отношение к деловой. И все-таки о ней — особое слово.

ТРУД НА ЗЕМЛЕ

Проблемы, которые стоят перед сегодняшней деревней и перед которыми деревня, в свою очередь, ставит все наше общество, настолько серьезны и неотложны, что в литературе на их решение поднялись, что называется, и стар и млад. Пишут о деревне и те, кто всегда о ней писал, и те, кто вроде никогда ею не интересовался. Пишут и раздумчиво, основательно, «по-деревенски», и с наскока, норовя, как на пожаре, ударить в набат, дабы немедленно загасить все неурядицы и «раскидать» все горячие вопросы.

Чаще всего действуют невпопад те авторы, которые совсем уж не по-писательски, а скорее по репортерски спешат вмешаться в жизнь, выхватить из нее что-то горячее и на ходу чем-то озадачить читателя или озаботить, или чему-то наскоро его обучить.

В. Крупин в повести «Сороковой день» («Наш современник», № 11) предоставляет своему герою — журналисту вести рассказ о нынешней деревне едва ли не с колес. То-

ропливым командировочным взором выхватывает этот герой из окружающего обрывки человеческих судеб, лица, оценки и столь же торопливым, нередко небрежным пером газетчика набрасывает свои наблюдения и выводы. Наблюдения эти иногда слишком мимолетны, выводы не всегда бесспорны. А главное, все это лишено общего знаменателя — единой мысли, без которой повесть — не повесть, а так — заметки. Есть, однако, и в некоторых из этих заметок пища для раздумий. Особенно в тех, которыми отмечены контрасты, действительно характерные для современной деревни.

Вот один из них... Идет «битва за урожай». На полях холодно. Земля после дождей раскисла. Даже мощная техника вязнет и останавливается. А люди наперекор всему продолжают работать — спасать хлеб. Радует их мужество и хозяйственная непреклонность. Но тут же... Следы гусениц на земле, словно шрамы, подтеки глины, как запекшаяся кровь, на месте содранной тракторами почвы. Суждено ли после этой битвы быть новому урожаю?

Еще контраст. В одном из сел — молодежная ферма. «На ней двенадцать девчат, они после школы... Колхоз дал им гостиницу, именно гостиницей называют, а не общежитием... мы оставляем в прихожей сапоги, ставшие пудовыми от грязи, и проходим в уютную, застланную коврами гостиную. В углу цветной телевизор, проигрыватель. Таня и Оля занимаются немецким, они заочницы областного...» Таков домашний быт девчат — благоустроенный и вполне современный. А труд?

«На ферму повела меня Тамара... Как только она в грязи не застревала... Телятник этот правильнее назвать бычатыником — такие там бугаи... Самое трудное в работе, объяснила их старшая, женщина в годах, это когда бык оторвется. А сидят эти быки на цепях... — Бог миловал, — ни одну пока не забодали. Жалко их... Корзины с картошкой по четыре-пять ведер, торопятся скорее всех накормить. Старательные. Все чуть не бегом».

Копечно, такие контрасты — явление временное. Как и бурты мерзлой картошки в полях, и валки ржи, уходящие под снег.

Крупин только констатирует факты, одним радуясь, другими огорчаясь, но никаких решений, ни сиюминутных, ни рассчитанных на годы, не предлагает. Л. Иванов в рома-

ие «Березовские ориентиры» («Сибирские огни», № 1, 2) тоже пытается прямо вмешаться в жизнь и в отличие от Крупина сразу же предлагает готовые решения любых проблем — и хозяйственных, и бытовых, и даже любовных. Главное из них — всегда и везде ориентироваться на передовиков. В романе самых разных передовиков великое множество. Это и вчерашний студент Виктор Голованов, который, отказавшись от предложенной ему научной работы в большом сибирском городе, отправляется агрономом в село, и бывший главный агроном, который, уйдя на пенсию, продолжает бескорыстно служить своему совхозу. Это высокосоциальные механизаторы и принципиальные газетчики. А в первую очередь — директор совхоза Вершинин... «Ох и жизненный путь оказался у Вершинина! Не поймешь: не дай бог такого пути или, наоборот, дай бог каждому? Вот начался его взлет: агроном, директор совхоза... И срыв... Затем опять бурный взлет до директора треста и снова срыв, снова директор совхоза... К мартовскому Пленуму ЦК партии в 1965 году на счету Вершинина было двенадцать выговоров»...

Автора «Березовских ориентиров» больше всего восхищает то, что Вершинин постоянно идет против течения. Ему говорят: сей то-то, а он сеет совсем иное. Назначают сроки сева, а он беззастенчиво их нарушает. Велят немедленно начинать уборку, а он начинает тогда, когда сам решит. И в результате получает... самые высокие в районе урожаи. В отличие от тех, кто выполняет указания свыше. Наверно, Вершинин действительно достойный образец для подражания. Но если реально смотреть на вещи, много ли найдется охотников следовать ему? И вообще не разумнее ли разобратся в тех, кто создает «течение», против которого настоящим хлеборобам приходится идти?

Иванов не только называет читателю ориентиры, но и дает множество хозяйственных и нравственных уроков. Он объясняет, как важно, чтобы агрономы вели историю полей, и как надо выбирать оптимальные сроки сева и уборки. Он учит, как распределять среди механизаторов новые машины, как бороться с пьянством, как организовать социальное соревнование, с чего начинать свою деятельность молодому специалисту...

Как ни ценны, быть может, отдельные из этих уроков,

инструкций и руководств, составляющих почти все содержание «Березовских ориентиров», и как старательно автор их ни иллюстрирует, они остаются инструкциями и руководствами. С подлинной художественной прозой у них мало общего.

Есть в числе прошлогодних и такие произведения, которые, хоть и грешат порою поверхностностью, прямолинейностью суждений, все же остаются художественными произведениями. Каждое из них прежде всего исследование, изобилующее всем тем, что сопровождает всякое подлинное исследование, — поисками, сомнениями, раздумьями. В них, этих злободневных вещах, нет да по условиям жанра и не может быть основательно раскрытых людских судеб, не рассмотрены ни основы нынешних завоеваний села, ни истории его болезней. Но все повые явления современной деревенской жизни — те, которые радуют, и те, которые огорчают, все противоречия и проблемы точно схвачены и с истинной художественной выразительностью передапы.

В июне 1981 года в «Комсомолке» под рубрикой «Изучаем проблему» появилась статья В. Дорошенко и В. Шуткевич «Деревня с характером». В подзаголовке ее сказано: «Она считалась неперспективной. Но ее молодые жители делом доказали, что это не так». Здесь все полно подлинной значительности: и сама рубрика, и заглавие, и то, что отмечено в подзаголовке, особенно это — «считалась», «молодые жители», «доказали».

Проблема неперспективных деревень существует давно. И казалась, в сущности, уже решенной. Зачем они, в самом деле, глухоманные хутора да деревушки? Как их снабжать, как обслуживать? Другое дело — большое современное село. Тут тебе и техника, тут и культура. Но вот в статье читаем: «Факты упрямо говорят, что лишь малая часть жителей бывших неперспективных деревень оседает на центральных усадьбах. Большинство уезжает из сельской местности навсегда. Напомним, что из пятидесяти дворов Кумлавы в Осиповку переехало всего три семьи».

И еще, совсем уж неожиданное: «В той же Кумлаве раньше до двадцати пяти центнеров зерновых с гектара получали... А теперь едва по пятнадцать выходит. Потому что за глазами земля оказалась без хозяйского присмотра».

И вот по прошествии добрых двух десятков лет с тех

пор, как началась ликвидация неперспективных деревень,— горячая газетная рубрика: «Изучаем проблему».

Это газета. В ней только факты. «Упрямые», как пишут авторы статьи.

А вот литература...

«Там, где речка Святица впадает в озеро, жили-были старик со старухой, Иван да Наталья. Трудно сыскать место на земле приветней здешнего — все, что необходимо деревенскому жителю, под рукой: покатистые, быстро просыхающие поля, луговые пойменные покосы, лес с ягодами и грибами, речка, в которой вода светлей росы, и озерный успокаивающий простор.

Большая была деревня Заозерье...»

Но... выкосила многих ее жителей война, а после войны «народ валом валил в город, избавляясь от пустого трудодня, от всевозможных госпоставок, от каждозимних направлений на лесоповал. А еще измаяло людей проклятое бездорожье... Осталось в Заозерье с десяток домов и три коренных жителя».

Это из повести Ю. Бородкина «Солнце под крышей» («Наш современник», № 10).

Все содержание повести — грустная, что называется, берущая за душу история окончательного запустения деревни, со всей той красотой, что и вокруг нее и в ней самой, и горе последних могилок — Ивана да Натальи, — которым и расстаться с этой красотой невмочь, но и жить одним, без людей, без их поддержки уже не под силу.

Однако грусть грустью, а есть в повести и чисто деловое — то же, что в газете, только живее; опустели заозерные луга — косить некому, пропадает в полях урожай — рожь да лен. И поднимает председатель колхоза, наезжая с центральной усадьбы, немощных старух, что теперь уже лишь на лето нет-нет да приедут от детей из города.

«Знамо надо, — соглашается одна из таких работниц. — Токо когда нам смена-то будет? Как помрем, что тогда? И без нас должны бы управляться. Даве шла с грибами, помяла лен — от в руках — треста так и отстает от волокна, ясно — пора подымать. И ни у кого, думаю, сердце не болит, привыкли — не подымут, дак сожгут весной. Раньше-то, вспомни-ка, соломинки не пропадало, медали получали за лен»

Деревня Заозерье умирает нелегкой и не совсем естественной смертью. Ей бы жить да жить. Какая же она неперспективная, если столько богатства вокруг? И столько красоты!

В повести А. Ткаченко «Зимние хлопоты» («Октябрь», № 6) постепенное угасание неперспективной деревни Соковичи, которая, как и Заозерье, уже, собственно, и не деревня вовсе, а хуторок — пять дворов осталось — показано без драматического напряжения. Наступает на деревеньку со всех сторон новая жизнь, и она доживает свой век без тоски, без печали, благо спрос теперь с нее небольшой: живут в ней в основном пенсионеры, трудятся всласть — без норм и планов, — отдыхают и веселятся по-своему, как бог на душу положит.

У Ткаченко к Соковичам особый исследовательский интерес. Они для него словно заповедник, где в естественных условиях, не слишком стесненных бурным течением современной жизни, обитают люди самых различных социальных типов.

Живет в Соковичах 80-летняя Самсоновна, мудрая, живая, неунывающая старуха, труженица и ведунья («и глаз отвести умела и зуб заговорить»), пастоящий кладезь всяких народных поверий, поговорок, острот. А рядом — Федя Софронов с семьей, человек молодой и современный («был он сельским жителем эпохи НТР, знающим любую технику, умеющим работать с наслаждением, если, конечно, работа нужна, полезна себе, другим»).

Есть в Соковичах дед Улька — хозяин, мастер на все руки и завзятый коллективист. А есть и Борискип, бывший фельдшер, ныне этаким культурный хозяин — кулачок, — «деньгами наверняка богаче других: на рынок работает — мед, яблоки ранние, поздние овощи, все, что под руку попадает, — в Калугу, в Москву тарабанит».

Борискины одни живут как бы на отшибе, все остальные — тесным кружком. И нисколько не мешает их доброму соседству и дружбе то, что они такие разные люди.

Ведущий герой повести бывший моряк Евсей Ивантьев, который на склоне лет вернулся в Соковичи, где жил в детстве («тягу земли» ощутил, захотел «прильнуть к отечному порогу»), с трудом постигает «духовную сущность села... Чего только в ней не намешано! От языческих страхов до

Христа, от домового до газеты и телевизора. И попробуй что-либо изгнать силой — увязнешь в неразберихе. Лишь время меняет привычки, верования».

А изгонять тем не менее пытаются.

Самсоновна всю жизнь помогала соседям и беду перебороть, и хворь отвести — врачевала травами да заговорами («никакого колдовства — внушение, наукой доказано»). Пришлось бросить: «Преследывал. Зареклась».

Федя Софронов подобрал на свалке остоу списанного трактора, оснастил за свой счет запчастями. «обул в резину — катается себе с шутками-прибаутками, не без пользы, конечно: кому вспашет, кому дров подвезет, в хозяйстве тягло — первое дело».

Оказалось, не положено. У Борискиных сын на «Жигулях», сам на «Москвиче». Это можно, это по закону. А трактор нельзя. И водворяется Федина самоделка туда, где положено — обратно на свалку.

Евсей вернулся к деревенскому делу после тридцати лет плавания и словно заново родился: труд на земле оказался для него самым радостным трудом. Но и это не положено: не колхозник, не прописан. И вытесняют Евсея с отчей земли... дачники.

Конечно, порядок есть порядок. Без него — анархия. Но всегда ли он разумно внедряется? Ведь и мелиорация, о которой рассказывает Евсею Федя Софронов, сам мелиоратор-передовик, призвана была навести порядок на земле. А получилось... «Это слово у нас зазвучало громко, когда бросили мощную технику на осушение болот. Ринулись на «ура». Все казалось простым, понятным даже школьнику: рой каналы, спускай воду, спрямляй реки, осушай озера — и паши, сей, коси травы. Рыли, осушали, спрямляли». А потом «хватались, подсчитали: сколько улучшили — столько и загубили. Природа любит равновесие!.. Взялись мелиорировать по-серьезному. А это оказалось ох каким нелегким, технически сложным делом!»

Панацею от многих противоречий и бед, по крайней мере в хозяйственной области, автор «Зимних хлопот» видит в «связи личного подсобного хозяйства с общественным». Идея эта, безусловно, верна. Но не должна ли она учитывать, кроме технологии такой связи, и определенные правственные и психологические нюансы? Как, в частности, впи-

сать в эту формулу «личное — общественное» Борискина, с его ухватками и явно кулацкой психологией? А вписывать надо. Во-первых, потому, что живет и действует он, так сказать, в рамках закона. Во-вторых, потому, что как раз у него-то самое современное личное хозяйство. И дом, и все надворные постройки сооружены с учетом всех хозяйственных и даже эстетических потребностей. Тщательно продумано размещение скота и птицы. Есть и своя теплица, не теплица — сказка...

«Из светлого зеленого провала в снегах за домом хлынуло парным теплом послегрозového лета, и пахло укропом, цветами, и чирикали птицы; тесный обособленный мирок был сверкающе чист, заполнен растениями: тянулись к стеклянной крыше тугие колючие плети, и с них свисали не ядовито-зеленые мясистые, а крепенькие, беловатые пупырчатые огурцы; ветвились сильные помидорные кусты, отягощенные бурыми плодами... и везде, на свободных клочках земли, цветы: гвоздики, астры, ромашки...»

Нет, такого хозяина не спишешь. Что там ни говори, он необходим. Но как соединить его личные интересы с общественными, если даже со своими хуторами он не находит общего языка?

На той же формуле «личное — общественное» замыкаются трудные хозяйственные раздумья героя повести Б. Ольхина «Личная позиция», директора совхоза Пospelова («Волга», № 10). И точно так же ни герой, ни автор еще не видят, как, используя ее, решить некоторые весьма серьезные противоречия...

«Позиция у него была четкая: решать мясо-молочную проблему нужно на промышленной основе, создавая откормочные комплексы, такое ему виделось генеральное направление в сельском хозяйстве. К тому же крен в сторону содержания скота в личных хозяйствах порождает индивидуализм, частнособственнические устремления. С другой же стороны, понимал он, ведь и в самом деле, не по-деревенски это, если жить без сада-огорода, без живности, что окружала хлебороба истари, — овец, теленка, поросенка, кур...»

И Ткаченко, и Ольхину мастерства не занимать. В их повестях картины сельского бытия живут, дышат, захватывают, как сама жизнь. Но хозяйственно-экономические во-

просы нетерпеливо выделены и заострены ими часто публицистически и без особенно глубокой связи с иными сторонами крестьянской жизни. Оттого что нет такой связи, и остается в обеих повестях открытым вопрос: как же все-таки соединить личное с общественным? Это ведь не голыми административными мерами решается.

В особые социально-экономические глубины ни Ткаченко, ни Ольхин, однако, не погружаются. Все это не в упрек им сказано, тем более что в целом повести их и при некоторых издержках прямой публицистичности делают свое доброе дело.

И все-таки много больше открывают читателю и сильней его захватывают произведения, где авторы обходятся без публицистических заострений, где и необходимости в них не возникает, потому что в самой жизни и судьбе героев заключены и вопросы, волнующие авторов, и ответы, колы возникает у автора потребность их дать. Это в первую очередь относится к повестям И. Никульшина «Лесной сенокос» («Наш современник», № 11) и П. Краснова «По причине души» («Дружба народов», № 7).

В «Лесном сенокосе» вся деревенская жизнь раскрывается обстоятельней и глубже так, что за теми ее приметами, которые готовы задержать всякий внимательный и заинтересованный взгляд, просматривается и нечто такое, что способно уловить лишь чуткое око настоящего художника.

Только самые первые, вводные строки повести носят информативный характер. Но и в них далеко не одна голая информация.

«В Верховке даже в самые лихие годы, отмеченные знаком особенной хозяйственной бесшабашности, сельсовет снимал для инвалидов войны и семей погибших лесные угодья под сенокос. Хотя и небогатые эти угодья, а все же они выручали хозяев. И главное, не нужно было приворовывать, бояться объездчиков, лесников и неприступных, изумляющих своей изобретательностью дотошных районных уполномоченных. Потом, когда времена повернулись и стали поговаривать о том, что личное хозяйство не во вред общественному, этот с войны заведенный порядок сам председатель райисполкома товарищ Саморуков публично одобрил.

И в этом году тоже сняли два квартала, и все, кто был вписан в ордер, пошли смотреть покосы...»

Уже в этих строчках или, вернее, между строчек есть нечто не менее важное, чем информация, которая идет «поверху». И дальше, по всей повести читателю дано увидеть и понять: в людях, в характере и мотивах их поведения много больше того, о чем прямо информирует его автор. Понять, в частности, и кое-какие из вопросов, в обсуждение которых, не всегда успешно, вовлекают его, читателя, другие авторы.

Вот мужики, те, кто «вписан в ордер», а вместе с ними вчерашний школьник Ленька Акишин, только что потерявший отца, инвалида войны, осматривают отведенные им покосы. Погода не баловала землю, трава оказалась никудышной. Но другой нет. Надо бы начинать косить. Тем более что времени в обрез: колхозная работа не ждет. Три дня у мужиков на все про все. А они вроде бы и не торопятся... «Кружили по полянам, обшаривали мелколесье, морщились, крихтели, почесывали затылки и невесело переговаривались. Ленька таскался следом... И потихоньку досадовал на них. Чего шлятся, и без того все ясно».

Ленька нервничает, а мужики все решают, как косить да как делить, да с чего начинать. И перекуривают, и балагурят. А потом устраивают долгий обед и едят, не торопясь, «с молчаливой чинностью, как положено за едой». Зато уж когда начинается работа!.. Собственно, работают они тоже без суеты, без лихорадки, но так ладно, с таким размахом, что Леньку охватывают азарт и молодая удаль. «Он словно бы окупился во что-то горячо зазывающее, удивительно околдовавшее его и, сразу же позабыв обо всем на свете, пребывал теперь в каком-то возбужденно-радостном очаровании, ничего не замечая вокруг, лишь повинувшись одному певучему ритму заворотившей его работы».

Несколько позже мужики соберутся в кузне, где одному из них, Кирею — колхозному кузнецу, придется выполнить тонкую, непростую работу: наварить отломившийся зубец шестерни для трактора. И так красиво сделает он эту работу, что все они, кто помощник, а кто просто зритель, ощутят удивительный праздничный подъем и даже пляску затеют, так что, когда загмывает вдруг в кузню председатель колхоза, он не сразу поверит, что это совсем не спяная разошлись мужики.

А разошлись они — и там на покосе, и здесь, в кузне, —

по причине совершенно особой: в кои-то веки довелось им делать свое крестьянское дело по вековым же крестьянским законам и понятиям — неспешно, основательно, красиво.

В «Зимних хлопотах» А. Ткаченко дед Улька рассуждает: «Иной мужик, он еще стародавним мужиком остался: имеется еда, выпивка — не пойдет работать. Натура старее сознательности. На себя он норовит все повернуть с личной выгодой, тут жилы из себя вытянет. Слыхал, бригады кое-где создали, чтоб от вспашки до уборки поля вести расчет по готовой картошке? Картошечка сразу похорошела, в весе прибавила...»

Нет, неправ дед Улька — по всем статьям. А еще больше неправ сам Ткаченко, когда приписывает старому и вроде бы мудрому деду эти совсем не по-крестьянски звучащие слова. Трудового, настоящего мужика, похоже, они не знают. И сознательность зря противопоставляют натуре. Та сознательность, которая получалась, когда полностью ломали натуру, недорого стоила. Другое дело, когда она именно от натуры — от лучших ее сторон, от приращенного коллективизма и шла. А что до выгоды, то не в ней одной дело. Хоть и в ней тоже, конечно. Но главный секрет все же в этом расчете «по готовой картошке», когда от вспашки до уборки никто мужика не опскает, никто не стоит над душой, и можно трудиться по-своему: самому все взвешивая, рассчитывая, решая. Крестьянин ведь всегда отличался тем, что делал не какую-то часть общей работы, а всю работу от начала до конца. И за все отвечал сам. Был сам себе руководителем и контролером, агрономом и синоптиком, и пахарем, и сеятелем, и косарем... А еще и строителем, и садоводом, и скотником — всего не перечести. С разделением труда, не всегда к тому же оправданным, — один пашет, другой сеет, третий собирает урожай, — он переставал зачастую быть самим собой. А самое главное, надо, чтобы всегда чувствовал себя хозяином, ответственным за все на земле.

Артельный труд мужиков в «Лесном снопокосе», так глубоко и остро захвативший юного Леньку, — это, в сущности, венец тех связей и противоречий, из которых соткана их жизнь. Люди они неодинаковые; случалось между ними всякое: и несогласия, и мелкие стычки, и конфликты, скажем,

даже на любовной почве. И все же они как бы единое целое — от одного корня выросли. Здесь-то и лежат истоки их подлинной сознательности. Объединяет их и другое — опять-таки вековечное и опять-таки артельное сопротивление всяким «чужакам», посягавшим на их мирное трудовое бытие.

Герои «Лесного сенокоса» застигают на месте преступления какого-то чужого мужика, ворующего сено у вдовы с ребятишками. И дают ему решительный отпор. Этот эпизод вызывает в памяти одного из них, кузнеца Кирея, фигуру другого выродка — фашистского прихвостня полицая Богули, которого Кирей, будучи приведен на расстрел, ухитрился отправить на тот свет вместе с двумя другими гитлеровцами. А еще по ходу действия сталкиваются мужики с неким Урбановым, старым «активистом», который всю жизнь бегал от настоящей работы, искал хлеба полегче, сумел и в войну отсидеться в селе и в свое время «попил кровушки... что в войну из бабенок, что потом, в эти самые времена».

Вроде бы и нет между этими тремя ничего общего. Но в голове Кирея да и других мужиков, в том числе и юного Лещки, они невольно соединяются... «Он никак не мог взять в толк: отчего это мужик с покоса, Богуля, и даже вот Степка Урбанов вяжутся у него в один ряд? Уж нет ли в этом какой-то своей порочной связи?»

Есть такая связь, без всякого сомненья: все они из породы паразитов, которые особенно оживляются в дни тяжелой непогоды, присасываются к ниве народной жизни, когда она и без того истощена, и, случается, на долгие годы лишают ее сил и надежд.

В «Лесном сенокосе» так же, как в повести П. Краснова «По причине души», И. Чендея «Ивановы журавли» («Дружба народов», № 12), как в «Сказании о Юзасе» Ю. Балтушиса («Дружба народов», № 2), раскрываются уже не только броские приметы сегодняшней деревенской жизни, со всеми ее пынешними проблемами и противоречиями, а прежде всего ее основы: психология крестьянина, склад его ума и характера, связанного с особенностями сельского бытия и труда.

Кирей в «Лесном сенокосе» размышляет: «На земле утвердятся племя залетных колхозников, к которым и не

приложишь этого самого важного, освященного веками понятия — крестьянин». И сам же разъясняет, в чем разница: «Колхозник, ежели он не крестьянин по своему душевному складу, может позволить себе и загулять в страду. Крестьянин же — никогда!»

Случается, и загуливают. Иногда и всей деревней.

Появилась и другая непривычная особенность у нынешнего села, в которой есть своя позитивная, но есть и негативная сторона. Это уж П. Красновым подмечено.

«В районе и в области даже стали поговаривать о недороде. На селе тоже говорили — с охотным сожалением и, по нынешним временам, без всякого страха, опасения за себя» (подчеркнуто мною. — В. Б.).

И все-таки живы извечная крестьянская бережливость, основательность, особое уважение ко всякому истинному мастерству!

В том же «Лесном сенокосе» и работа мужиков — не только на покосе, для себя, но и на колхозном поле, — и рассуждения, коль взялись они обсуждать житейские ли, международные ли проблемы, — само воплощение основательности и весомости. Примеров хозяйственности и бережливости сколько угодно в любой повести. А уж мастерам того или иного крестьянского дела во всех произведениях деревенской прозы самый большой почет.

В повести Ткаченко, пожалуй, лучшие страницы те, где дед Улька, известный на всю округу мастер печных дел, складывает в доме Евсея, а потом и испытывает новую нечь. В «Личной позиции» Б. Ольхина только упоминается мастерица-доярка Лизавета Бестугина, но посвященные ей строки вряд ли забудутся: «Она ведунья была по коровьей части... уж что к ней в руки бывало попадет, то не захиреет. Она хоть умывальник могла бы раздоять, соски бы были!.. Слово, говорят, знала».

И виртуоз-кузнец Кирей в «Лесном сенокосе», и плотник Иван в «Ивановых журавлях» И. Чендея, и хлебороб Тимофей Иванов в повести П. Краснова — все это истинные, по закваске своей, по натуре, труженики, мастера своего дела.

Деревенскому человеку пока, слава богу, меньше, чем городскому, приходится соприкасаться со всякой служебной и просто учрежденческой дипломатией: как к кому подойти

и как в случае нужды заручиться чьей-то весомой поддержкой, где пустить слезу, а где «брать на горло». Но в результате он, деревенский, гораздо более незащищен перед действием разного рода казенных сил, перед теми, кто, стоя на страже законов, установлений, инструкций и запретов, хранит верность их букве, а не духу. Сколько добрых дел, даже предусмотренных «духом», разбилось о непреклонность «буквы», сколько благих перемен в конечном счете привело совсем не к благу!..

Действие этих казенных сил можно наблюдать и в «Зимних хлопотах» Ткаченко, о чем уже был разговор, и в «Лесном сенокосе», но особенно наглядно — в повести Краснова «По причине души».

Было засушливое лето. Посохли и хлеба, и травы. Работы в колхозе и дома поубавилось. И оказалось это лето «скучноватым, пустым, несколько даже страшным». Только из-за этой непривычной пустоты и отправился однажды герой повести, пожилой уже хлебороб Тимофей Иванов, на реку, порыбалить. А когда рыбалил, наткнулся на чужой запретный перемет, не устоял — снял с него осетра и... попался. Добро бы хозяину перемета — обменялись бы «любезностями», и делу конец. Так нет — инспектору рыбнадзора и какому-то еще «рыбьему начальнику». Да еще и схватился с ними: слегка потолкали друг друга. И закрутилась карусель...

Не помогли Тимофею ни попытки председателя сельсовета отстоять его. Очень, правда, нерешительные попытки. Ни заступничество жены инспектора... «Ох уж и вора вы нашли с Беленьким этим, ох и герои... Людей постыдитесь! Что-то воп примака этого, заводского, вы не тронули, когда он пудами с реки носит, полселу продает... А к мужику цепились...» Содействие самого инспектора («Что смогу, то сделаю, а остальное как бог даст») тоже не помогло. И был суд, и потом — два года тюрьмы. А вернулся Тимофей — «тут голо, разор, душе уцепиться не за что: жена бог знает где, сын в сибирскую сторону подался»... И пошла вся жизнь хлеборобская под откос.

Спору нет, согрешил Иванов; позарился на чужую рыбу, с начальником «побеседовал» без должного почтения. Но сколько было обстоятельств, смягчавших его вину! Воевал. Был награжден. Трудился всю жизнь, как дай бог каждому.

И на рыбалку-то выбрался только потому, что, получилось, некуда было себя деть: оказался он в этот день «вроде как безработный». И вот все эти обстоятельства перекрыло одно — начальственная амбиция того рыбьего начальника, жажда его проявить свою власть.

В конце концов и после тюрьмы поднялся Иванов, переборол свою беду. Но до конца ли? И во сколько это ему обошлось! Да и только ли ему одному. Не говоря уж о том, что навсегда засела в нем тяжелая обида. И не на того рыбьего чина — на все жизненное устройство... «Ну война — она и есть война. А сейчас и времена вроде другие, и люди отмягчили, друг дружку не хотят обижать, житье так легшее». Но... «души, глядишь, будто у всех полегчали от этого, попустили. Катают тебя по кабинетам, как колобок, все обходительно, честь по чести. Так укатают...»

Петр Краснов истинный, не грех сказать, большой художник. Это чувствуешь с первых строк его повести:

«То лето, два с небольшим года назад, выдалось на редкость жарким, угарным. С ближних полденных степеней, едва только сбежал снег, пошли суховеи, день ото дня злей, беспрестаннее: хозяйничали, куражились на дорогах и пустырях, уже в начале мая подымали на воздух паханое, не успевшее схватиться нежными зелеными. По теплой всецпо вошли они было дружно, выиграли разом, однако уже вскоре выдохлись на подъеме, не на шутку приморились...»

Удивительные строки. Читаешь и все это видишь и пропикаешься чувствами автора, заражаясь и злом против этих суховеев — безжалостной вражьей силы, — и тревогой за беспомощное перед ними «паханое», и участием к зеленым, которые совсем как живые существа...

Что уж говорить о том, как переданы писателем тягчайшие мытарства Тимофеевой души, едва не выжатой другими суховеями. Всем существом своим чувствуешь бессилие человека перед черствостью некоторых людейшек и горечь и стыд выпавших на его долю унижений, и боль от совсем уж непонятной злобы, особенно со стороны какой-то околоначальственной блондинки...

«Напьются, оскотинеют, приличным людям от вас покою нет... Проваливай давай!.. Нелюдь... Проходу от таких нет, дожили, на улицу хоть не выходи!..»

Это уж совсем ни за что, ни про что.

Тимофея тогда как громом поразила «неожиданная, незаслуженная ее ненависть... Почему это он поганый, за что? Что он такого этой дуре сделал?» Как было снести такие слова?

Но вот что, быть может, самое тяжкое из того, что случилось с Тимофеем после всех этих обид: пропала бывшая тяга к труду, которой была наполнена вся его жизнь. Председатель сельсовета, человек «приезжий, даже... э-э, городской, служил в гарнизоне», и тот чувствует: «жалко, работник был... Трудный, знаете, все-таки человек: работать разучился, пьет».

«Разучился» — это по председателеву разумению. На самом деле — потерял вкус к работе. Всякая радость из нее ушла для него. Никакого не осталось воодушевления...

«Тракторишко вроде дали, — сказал он, наконец. — Председателя сейчас встретил, поговорили... Раздолбанный весь тракторишко... ни заработку путевого, ничего. Да шут с ними со всеми, это все ерунда. Что-то делать надо, вот что... Жить как-то надо».

То-то и беда, что «как-то».

«Деревенщики» — и не столько прозаики, сколько критики-«деревенщики», — любят подчеркивать, что крестьянская жизнь — это прежде всего труд. Тяжелый, не всегда благодарный, от зари до зари... И лишь как его венец, как торжество — урожай. Чем обильнее урожай, тем сладостней и веселее торжество. А дело не только в урожае. Он и сам по себе необыкновенно содержателен, этот труд. И в силу своего многообразия, и оттого, что общение с землей, с животными, с растениями — это именно общение. В нем есть свое взаимопонимание и взаимные привязанности, и благодарность — тоже взаимная.

Никто за последние годы не показал этого живее и убедительнее, чем Ю. Балтушис в «Сказании о Юзасе», пожалуй, самом заметном произведении не только деревенской — всей прозы 1981 года. А может, и не одного этого года.

История литовского крестьянина Юзаса довольно необычна. Была любовь. Как позже выяснилось, единственная, на всю жизнь. А любимая вышла замуж за другого. Удар этот сокрушил Юзаса. Жить, как жил прежде, он уже не смог. И ушел от людей. Не в монастырское безделье, не в дальние странствия — в труд. Выбрал островок на болоте

и стал в одиночку его обживать: строил, корчевал, гатил, готовил пашню, сажал сад. Не знал и не хотел знать ничего, кроме работы. Она и до предела изматывала его, и врачевала от сердечной хвори, заменяла семейные радости и удовольствия от общения с людьми. Она и обогащала его духовно, и в то же время замыкала в себе, делала все суровее и черствее.

Проходили мимо людские радости и беды, и глубокие общественные потрясения. Люди были не нужны Юзасу. И он сам по себе был им не нужен. Но за долгие годы работы накопил он целые склады добра. Оно-то против его воли и соединяло его с людьми. Особенно в пору военных бедствий, когда кое-кому сулило не просто выручку, а единственное спасенье.

Выручая сначала поневоле и без особого разбору разных людей, иногда смертельных врагов друг другу, Юзас все больше втягивался в круговорот их страстей и междоусобиц — социальных и идеологических. Те богатства, которые копились в подземелье его души, пошли в ход — натура труженика сама находила, кого ими одарить. И, конечно, это в первую очередь были такие же, как он, вечные работники. Естественно, в конце концов произошло то, что рано или поздно должно было произойти, — закончилось отшельничество Юзаса.

Если взглянуть на «Сказание» глазами трезвого бесстрастного аналитика, оно предстанет как лаборатория, где проводится идеальной чистоты опыт по непрерывному многолетнему «раздражению» человека всеми видами крестьянского труда и всеми самыми разнообразными результатами этого труда.

«Сказание» в отличие от подавляющего большинства других произведений современной прозы, несущих на себе обычно печать либо авторских пристрастий и опасений, либо неполного знания людей, поддается такому анализу. И вполне можно говорить не только о высоком художественном, но и о научном значении этой вещи. Вовсе не потому, однако, что автором взвешен и рассчитан каждый шаг героя, а потому что, воссоздавая живой организм Юзасовой судьбы, он, автор, видел, чувствовал, безошибочно угадывал ее во всю мыслимую глубину, со всеми и строго логическими, и на первый взгляд алогичными ходами и поворотами.

Юзас не вынес бы и года своей трудовой робинзонады, если бы работа была для него только средством глушить боль и тоску да наживать добро. Это отнюдь не тупой, утомительный и беспросветный труд, наоборот — труд разумный, по-крестьянски расчетливый и в то же время согретый и чувствами человеческими, и движениями души, порой непонятными самому Юзасу, но как раз и оберегающими его от одичания и полного очерствения.

Копая колодец, Юзас натывается на останки двух солдат — русского и германского. И затем целый драгоценный день тратит, чтобы бережно и по-божески их перезахоронить: сколачивает гроб, по справедливости распределяет между тем и другим все, что вперемешку сохранилось от обоих...

Сняв первый урожай и убедившись, что оказался он бедноват — земля неважнецкая, Юзас прикидывает, как бы ее улучшить. Надо бы глины навозить. «Когда он смешает ее с песком, земля станет другой. Будет держать влагу, в летнюю жару поить картошку и хлеба, иным станет зерно в колосьях, иной будет и картофелина. Зиму полежит глина, а весной он разбросает ее в поле и запашет. И не только для хлебов и картошки, но и для сада, который тоже надо разбить, а то какой хутор без сада? Посадит за избой хорошие саженцы, а по краям пустит вишенник... Пускай себе цветет весной вишня. Белым, будто снег, цветом. А когда яблонька или вишенка при доме, то и дом уже совсем другой, настоящий, обжитой. Того гляди, и пчел можно заводить. Того гляди, и пчел!..

Юзас улыбнулся, представив себе такую красоту. И тут же подумал, что перво-наперво посадит вишни над могилой, где лежат эти двое, русский и германец. Хорошо, когда над могилой вишня...»

Хотя вакуум хуторского одиночества надежно оберегает Юзаса от микробов лжи, зависти, тщеславия и других людских пороков, праведником он не становится. Одно время развиваются в нем скопидомство, алчность, полное безразличие к близким. Он, случается, родного брата отталкивает, когда тот по горькой нужде обращается к нему за помощью. Отталкивает да еще и унижает девушку, любящую его. Но в этом уже целиком виноват избыток добра, которое, накапливаясь в кладовых и в сундуках Юзаса, чем больше пре-

вышает его потребности, тем больше разлагает душу. И едва удастся ему преодолеть свое скопидомство, как начинается цепная реакция его щедрости и доброты.

«Сказание о Юзасе» непосредственно не вмешивается в обсуждение насущных проблем сегодняшней деревенской жизни, но позволяет рассмотреть и понять крестьянина, со всеми его достоинствами и недостатками. Да и чисто хозяйственные уроки героя «Сказания» чрезвычайно ценны. Он не насилует землю, а помогает ей. Живя среди болота, не борется с ним, а широко использует то, что оно способно дать. Лошадь, корова и прочая живность для него не просто источник для добывания продуктов, требующий расчетливой эксплуатации, а, если угодно, сотоварищи по труду. Его связывают с ними глубокая взаимная привязанность и преданность.

Таков настоящий крестьянин. И в прежние времена, и в нынешние.

В 1981 году деревенская проза пополнилась и такими произведениями, которые обращены к прошлому — и сравнительно недавнему, и довольно отдаленному, в сущности уже историческому. В их числе романы М. Алексеева «Драчуны» («Наш современник», № 6, 7, 9), А. Ларионова «Рябиновые грозы» («Молодая гвардия», № 8, 9), Ю. Бородин «Кологривский волк» («Москва», № 1, 2). Ни об одном из этих романов не скажешь, однако, что он совсем уж уводит читателя от насущных деревенских проблем. Есть во всех трех романах то, что, говоря о нынешних завоеваниях или потерях, можно отнести к истории вопроса. И порою это весьма поучительно.

«Рябиновые грозы» написаны еще очень неопытной рукой. Рассказывая о детстве героя, о тех, кто его любил и жалел, и тех, кто обижал, автор старается пробудить читательскую симпатию к первым и неприязнь ко вторым. Но чтобы у читателя возникли такие чувства, ему надо по крайней мере полюбить самого героя. А юный Юра долго остается фигуркой расплывчатой и невыразительной. И в обращении к нему и близким ему людям авторском взоре читатель не столько внимание и участие, сколько умиление, отчего взаимоотношения автора с этими людьми воспринимает как его сугубо частное дело.

Но есть в романе такие лирико-романтические истории

и такие картинки быта, которые позволяют ощутить какие-то особые душевные связи людей села, теперь уже далеких «вокруг военных» лет и особую нравственную атмосферу того времени. И в известной степени заражаешься ностальгией по тому давнему селу, ностальгией, рождающей искреннее участие к делам и заботам села пышешнего.

В первой части романа М. Алексеева «Драчуны» тоже чересчур много сцен, носящих частный характер, и подробностей собственной жизни автора. Но умиление перед своими детскими шалостями и забавами причудливо сочетается здесь с иронией по поводу некоторых особенностей всего доколхозного деревенского бытия.

Роман начинается с изображения обыкновенного мальчишеского конфликта. Подхваченный старшими, он перерастает в конфликт между двумя семьями, а затем вовлекает едва ли не все село, сопровождается дикими драками, местью, затяжной враждой. Все это как бы подготавливает последующие события. Когда приходит пора коллективизации и ликвидации кулачества, все тот же конфликт оказывает свое действие на решение вопроса уже острейшего социального и политического характера. Виновниками известных перегибов, по Алексееву, в большой мере оказываются сами крестьяне, которые и в ходе этих событий продолжают сводить счеты друг с другом.

Об этих перегибах — о ликвидации вкупе с кулацкими многих середняцких хозяйств, о голоде 1933 года, который, как показывает писатель, был следствием не засухи и недородов, а все тех же перегибов, в романе рассказано прямо и честно, обстоятельно и откровенно. И вместе с тем очень спокойно. Ведь, по словам автора, многие из пострадавших от раскулачивания в конечном счете не столько потеряли, сколько обрели. Один пополнил «собой и семью своими сыновьями рабочий класс столицы», другой стал председателем колхоза-миллионера где-то в Казахстане, с третьим автор встречался в поселке за Волгой, «в его собственном добротном доме»...

В рассказе о голоде 1933 года многие трагические эпизоды тоже смягчены и приглушены автором. Но это, в сущности, первый в нашей литературе такой рассказ. И так или иначе воспринимается он как горький урок истории, который мы не вправе ни забывать, ни замалчивать. Это, собст-

венно, и прямо подчеркнуто в предваряющей его печально-торжественной авторской декларации:

«Тридцать третий год остался и останется в памяти моей самой ужасной отметиной. И как ни тяжело и ни горько вспоминать о нем, я все-таки обязан сделать это перед своими земляками. Обязан перед памятью людей, отдавших свои жизни, хоть и не на боевых рубежах Великой Отечественной, но совершивших подвиг уже одним тем, что в самую трудную годину, до самого своего смертного часа не разуверились в Советской власти, не предали ее апафеме, не проклинали, завещая эту святую веру всем, кому суждено было жить, бороться, побеждать и исполнять свои обязанности на крутых поворотах истории».

В романе Ю. Бородин «Кологривский волк» — деревня тех самых 50-х годов, когда еще «чудили с кукурузой» и торфоперегнойными горшочками и, укрепляя кадры колхозных руководителей действительно стоящими людьми, тут же связывали их по рукам и ногам волюнтаристскими решениями и требованиями, словом, когда деревню продолжало лихорадить и складывались условия для еще большего вытеснения истинного крестьянина-хлебороба племенем «за-летных колхозников».

Роман меньше удался Ю. Бородину, чем его же повесть «Солнце под крышей», о которой уже шла речь. Он написан как бы вслед за известными романами Ф. Абрамова и остается в их тени. И все же некоторый вклад в дело сегодняшней «деревенской» прозы он вносит.

Поднимая многие острые вопросы современной сельской жизни, привлекая к ним внимание общественности, писатели-«деревенщики» делали свое большое дело. Ведь не даром в речи Л. И. Брежнева на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось и о тех нерешенных еще проблемах, о которых писали наши авторы. В Продовольственной программе, принятой на Пленуме, намечены конкретные пути преодоления недостатков, дальнейшего подъема нашего сельского хозяйства. Но это отнюдь не означает, что «деревенщики» могут успокоиться. Они и в дальнейшем будут освещать актуальные вопросы жизни на селе и, несомненно, расскажут, как будут браться намеченные рубежи нашими тружениками.

ХЛЕБ ХУДОЖНИКА

Ведущий герой романа Ю. Трифонова «Время и место» («Дружба народов», № 9, 10) писатель Антипов в зрелые свои годы работает над романом, центральный персонаж которого тоже писатель, некий Никифоров. Работа подвигается плохо, и товарищи по перу уверяют Антипова: «Писать о писателе — последнее дело. Это уж когда совсем не о чем, когда человек лишен впечатлений, не знает жизни, далек от людей, тогда, с горя, о писателе».

Самому Трифонову всегда было о чем писать. И жизнь он знал и от людей не был далек. И тем не менее весь его роман именно о писателе. Трифонов не единственный, кто в самое последнее время вдруг пренебрег правилом, о котором напоминают Антипову его товарищи. Журнальная проза 1981 года оказалась удивительно обильна произведениями такого рода. В их числе романы Э. Ветемаа «Сребропряхи» («Дружба народов», № 8) и П. Халова «На краю земли», повести А. Житинского «Снюсь» («Нева», № 4), М. Чулаки «Прекрасная земля» («Звезда», № 6), В. Сукачева «У порога» («Дальний Восток», № 3)... Правда, не все эти авторы пишут о писателях. Иные о живописцах, иные о кинорежиссерах. Но так или иначе о людях, которые связали свои судьбы с художественным творчеством — кто по призванию, кто из корысти, а кто и по жестокому заблуждению относительно своих возможностей.

Несомненно, есть в этом определенная закономерность. Не случайно же, в самом деле, у стольких авторов одновременно возникла потребность поговорить с читателем о своем труде или труде своих собратьев по другим видам искусства и что-то важное ему открыть, а от чего-то и предостеречь.

Может быть, опасность девальвации самого понятия «художественное творчество»? Такая опасность действительно существует, потому что, кроме произведений просто бесталанных, в пределы художественной литературы все более широким фронтом вторгается литература чисто делового, не художественного, а познавательного характера. Все чаще появляются сочинения, написанные крупными специалистами в своей сфере, в... медицине, строительстве, экологии, космонавтике. Главная их задача, собственно, в том и состоит, чтобы ввести читателя в эти сферы, показать свои

венно, и прямо подчеркнуто в предваряющей его печально-торжественной авторской декларации:

«Тридцать третий год остался и останется в памяти моей самой ужасной отметиной. И как ни тяжело и ни горько вспоминать о нем, я все-таки обязан сделать это перед своими земляками. Обязан перед памятью людей, отдавших свои жизни, хоть и не на боевых рубежах Великой Отечественной, но совершивших подвиг уже одним тем, что в самую трудную годину, до самого своего смертного часа не разуверились в Советской власти, не предали ее анафеме, не проклинали, завещая эту святую веру всем, кому суждено было жить, бороться, побеждать и исполнять свои обязанности на крутых поворотах истории».

В романе Ю. Бородкина «Кологривский волок» — деревня тех самых 50-х годов, когда еще «чудили с кукурузой» и торфоперегонными горшочками и, укрепляя кадры колхозных руководителей действительно стоящими людьми, тут же связывали их по рукам и ногам волюнтаристскими решениями и требованиями, словом, когда деревню продолжало лихорадить и складывались условия для еще большего вытеснения истинного крестьянина-хлебороба племенем «за-летных колхозников».

Роман меньше удался Ю. Бородкину, чем его же повесть «Солнце под крышей», о которой уже шла речь. Он написан как бы вслед за известными романами Ф. Абрамова и остается в их тени. И все же некоторый вклад в дело сегодняшней «деревенской» прозы он вносит.

Поднимая многие острые вопросы современной сельской жизни, привлекая к ним внимание общественности, писатели-«деревенщики» делали свое большое дело. Ведь не даром в речи Л. И. Брежнева на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось и о тех нерешенных еще проблемах, о которых писали наши авторы. В Продовольственной программе, принятой на Пленуме, намечены конкретные пути преодоления недостатков, дальнейшего подъема нашего сельского хозяйства. Но это отнюдь не означает, что «деревенщики» могут успокоиться. Они и в дальнейшем будут освещать актуальные вопросы жизни на селе и, песомненно, расскажут, как будут браться намеченные рубежи нашими тружениками.

ХЛЕБ ХУДОЖНИКА

Ведущий герой романа Ю. Трифонова «Время и место» («Дружба народов», № 9, 10) писатель Антипов в зрелые свои годы работает над романом, центральный персонаж которого тоже писатель, некий Никифоров. Работа подвигается плохо, и товарищи по перу уверяют Антипова: «Писать о писателе — последнее дело. Это уж когда совсем не о чем, когда человек лишен впечатлений, не знает жизни, далек от людей, тогда, с горя, о писателе».

Самому Трифонову всегда было о чем писать. И жизнь он знал и от людей не был далек. И тем не менее весь его роман именно о писателе. Трифонов не единственный, кто в самое последнее время вдруг пренебрег правилом, о котором напоминают Антипову его товарищи. Журнальная проза 1981 года оказалась удивительно обильна произведениями такого рода. В их числе романы Э. Ветемаа «Сребропряки» («Дружба народов», № 8) и П. Халова «На краю земли», повести А. Житинского «Снюсь» («Нева», № 4), М. Чулаки «Прекрасная земля» («Звезда», № 6), В. Сукачева «У порога» («Дальний Восток», № 3)... Правда, не все эти авторы пишут о писателях. Иные о живописцах, иные о кинорежиссерах. Но так или иначе о людях, которые связали свои судьбы с художественным творчеством — кто по призванию, кто из корысти, а кто и по жестокому заблуждению относительно своих возможностей.

Несомненно, есть в этом определенная закономерность. Не случайно же, в самом деле, у столькоких авторов одновременно возникла потребность поговорить с читателем о своем труде или труде своих собратьев по другим видам искусства и что-то важное ему открыть, а от чего-то и предостеречь.

Может быть, опасность девальвации самого понятия «художественное творчество»? Такая опасность действительно существует, потому что, кроме произведений просто бесталанных, в пределы художественной литературы все более широким фронтом вторгается литература чисто делового, не художественного, а познавательного характера. Все чаще появляются сочинения, написанные крупными специалистами в своей сфере, в... медицине, строительстве, экологии, космонавтике. Главная их задача, собственно, в том и состоит, чтобы ввести читателя в эти сферы, показать свои

достижения, поделиться своими заботами. Но чтобы привлечь широкого читателя, авторы щедро присваивают им звания романов и повестей и в меру сил насыщают всякого рода «художествами»: описаниями природы, бытовыми сценами, любовными историями. Познательная ценность таких сочинений бесспорна, а вот «художества» чаще всего — не тянут. Глубокого следа в душе читателя они не оставляют и вообще тех функций, которые несет настоящее искусство, выполнять не в состоянии. Видимо, с этим в первую очередь и связана возникшая в литературе потребность разговора о художественном творчестве, о том, что есть что и кто есть кто.

Повесть М. Чулаки «Прекрасная земля» — о человеке, для которого «оказался миражом поманивший его в юности талант», — содержит прежде всего предостережение.

Герой повести, участковый врач Иван Воинович Зайончков, со студенческих лет убежден, что настоящее его призвание вовсе не медицина, а литература. Некоторые основания для этого есть. Когда-то печатался он в институтской многотиражке и слыл литературной звездой первой величины. Жизненный материал он собирает бесперебойно — в ходе каждого вызова к больным. А уж об увлечении его литературным делом, о нежной любви к нему и преданности и говорить не приходится. Многие годы каждый вечер, вернувшись с работы домой, Иван Воинович садится за письменный стол и предается творчеству.

Эти вечерние часы — самые блаженные часы его жизни. Где-то там, за темным окном, остаются серые будни — с раздраженными больными и переполненными автобусами, магазинными очередями и нечуткими редакторами, чужими радостями и чужими печальями. А здесь, за столом царит ежевечерний праздник его души. И никаких творческих мук, никаких душевных разладов. Роятся в голове строчки одна пленительнее другой! «Готовящийся к первому весеннему расцветению сад радостно и ликующе встретил их хорovým пением своих пернатых друзей, благоуханием приступающих к раскрытию древесных почек, щебетом звонких голосов самых юных наших граждан — детей...»

Все, что мог, принес Иван Воинович в жертву этому своему празднику и песекрушимой мечте о писательской славе... «Ушла жепа и вырос сын, из ребят их-выпуска успел

получиться один профессор и семь человек доцентов — Иван Воинович продолжал писать».

Одно невыносимо — не печатают. В редакциях разводят руками: «Нет слуха». У вас, говорят, «взгляд не писательский, а врачебный!.. Вы как будто историю болезни пишете».

Иван Воинович, естественно, огорчается: «Здесь не докажешь. Здесь не переспоришь». Но возвратившись домой, вновь садится за стол и вновь выводит на белых листах свои праздничные, волшебной красивые фразы: «Рема Русева держала в цепких объятиях бессонница. Трепетная красавица Ная безмятежно погрузилась в заслуженный дневным трудом сон, а Рем ворочался на мягчайшей пенопоролоновой перине... Струили сияние крупные южные звезды тропического пояса, похожие на драгоценные алмазы и бриллианты на черном бархате...»

Можно поручиться, Чулаки не выдумывал за Ивана Воиновича ни одного из этих его словесных перлов и адамантов — брал их готовыми из сочинений какого-нибудь бедолаги, действительно пачисто лишенного литературного слуха, но тем не менее искренне убежденного, что пишет он ничуть не хуже любой современной знаменитости.

Автор повести с глубоким сочувствием относится к своему герою и если исследует все его бесплодное творчество с дотошностью литературного критика, то не ради насмешки, а для того, чтобы показать глубину его поистине драматического заблуждения.

Трифоновский Антипов по-настоящему талантлив и работает в отличие от Ивана Воиновича трудно, отнюдь не празднично. «Он как бы оперировал на самом себе. Временами бывало больно...

...Слова не мялись, не слушались, и все шло куда-то не туда, возникало опаснейшее — унылость, монотон. Нет, не годится. Это плохо. Надо с другого конца. Он перечеркнул страницу жирным черным карандашом, который всегда использовал для палаческой работы — зачеркивать, вычеркивать, — и на новом месте взялся за то же с другого конца».

Это и есть нормальный творческий процесс. Только он и может увенчаться успехом, хотя сам по себе еще никакого успеха не гарантирует. Антипов, кстати, после многих лет такой работы убеждается, что «роман не получился».

Уже была написана последняя страница. И пришла долгожданная минута удовлетворения и торжества... «Он занимался сладким делом: перечитывал, правил и улучшал текст, только что полученный от машинистки. Таня в соседней комнате счастливым голосом отвечала на телефонные звонки: «Приехал! Нет, не могу! Он работает!» И каким-то приятелям: «Сашка приехал! По-моему, жутко интересно! Страниц четыреста!»

А часом позже, перечитывая одну из центральных глав, «Антипов понял с ужасом, что главное в романе не написано». Еще оставалась какая-то надежда, и он «давал читать рукопись, выслушивал мнения, нервничал, падал духом, воспалялся гордыней, на нервной почве заболел псориазом»... Потом пришло решение поставить на романе крест, и наступило временное облегчение, пока не стало ясно: он уже отравлен этим романом, спасенья от него нет и надо начинать все сначала, иначе жизни не будет.

Содержание «Времени и места» далеко не исчерпывается этим эпизодом. Трифонов исследует всю жизнь героя, со всеми ее взаимосвязями, противоречиями, конфликтами, с постоянной будничной зависимостью его творчества от многомерных и светлых и несветлых событий и явлений общественной жизни вообще и литературной в частности. И, понятно, не об одних неудачах героя идет рассказ. К пятидесяти годам Антипов уже известный писатель, автор полудюжины книг, пользующихся популярностью, человек довольно обеспеченный. Но так или иначе читателю дано увидеть бытие художника с той непарадной стороны, которая открывает истинную цену его труда, его подлинных или мнимых завоеваний и поражений — тоже подлинных или мнимых, и действительно невосполнимых творческих потерь.

Почти во всех других произведениях этого ряда так же откровенно, хотя и не столь детально, как у Трифонова, показаны истоки художественного творчества, то, чем оно питается, чем живет.

Даже Иван Воинович Зайончков понимает, что прежде всего необходим «жизненный материал». Но по бесталанности своей пытается его собирать, как собирают грибы для засолки, не догадываясь, что материал течет, развивается за окном его коммунальной башни из слоновой кости, проносит мимо свои несчетанные богатства. Другой персонаж

той же повести Чулаки, инженер-строитель Грандстрем, ничего не выискивает и не собирает — просто живет в полную силу, работает со страстной увлеченностью и, когда отнюдь не ради литературной славы решает поделиться с людьми тем, что накопилось в нем самом за многие годы жизни, рождается труд куда более значительный, чем все сочинения Ивана Воиновича, вместе взятые.

И трифоновский Антипов, и живописец Сергей Баринов в повести В. Сукачева «У порога» тоже начинают с поисков «жизненного материала». Но лишь по молодости лет, по наивности, пока не убеждаются, что главный материал сам откладывается в памяти — в сердце, в душе, в рассудке.

Учитель Антипова, старый писатель Киянов, однажды в порыве откровения скажет: «Литература — это страдание. Вам не приходилось страдать, Антипов? Нет? И слава богу. Но значит пока вам нечего сказать людям. А учить вас, как делать фразу, мне скучно... кроме мысли и страдания, нет на земле достойного литературы».

Антипов в отчаянии: «Нет, ему, к сожалению, не приходилось страдать». Правда, в десять лет он лишился отца, в двенадцать — матери... «пришлось уехать из Москвы, был голод, работа в цехе, злобность старика Терентьича, придирки начальника, однажды избили ребята из литейного, однажды чуть не отдали под суд, женщины его не замечают, он некрасив, неловок, неудачлив, но все это были не настоящие страдания».

Какие же в таком случае настоящие? Да, очевидно, те самые, которые он, Антипов, пережил, когда не стало отца и пропала мать и были голод и злобность. Только для того, чтобы понять это, Антипову еще предстояло научиться оперировать на самом себе.

Творческая судьба сукачевского Сергея Баринова, деревенского паренька, с детства беззаветно увлекавшегося рисованием, начала складываться вполне благополучно. Еще в училищные годы был он замечен и обласкан доброжелателями. Потом была полуперсональная выставка. И вновь лестные отзывы. В том числе — похвальное слово некоего местного корифея. Лишь через десяток лет обнаружилось, какие опасности для молодого художника заключали в себе эти не в меру и не к месту похвальные слова.

Все последующие годы Сергей мечтал «выразить кра-

соту и трагедию, исходя из собственного эстетического опыта». Это требовало, однако, напряженной работы и чего-то еще — особенного, необычного. Чего именно, Сергей не знал. А тут подворачивались нетрудные и денежные заказы — расписывать клубы и холлы, кафе и столовые. «Красота и трагедия» откладывались на завтра, на послезавтра, на потом... Но «потом» пришло совсем иное — неожиданная и страшная болезнь. И были осторожные, ускользающие взгляды врачей. И повеяло смертью.

Еще тая надежду, обманывая себя, Сергей приехал в родную деревню, «на молоко и мед», и только теперь, встретившись с матерью, со старыми друзьями-приятелями, с лесами да лугами, где прошло его детство, понял, в какое заблуждение ввели его давнишние доброжелатели, как слеп и беспомощен он был, будучи, казалось бы, поставлен на верную дорогу... Он, «метавшийся после окончания училища в поисках своей темы и за десять лет узнавший труд каменщика, грузчика, матроса, шофера, докера, рабочего геологической партии, чтобы «изнутри» понять своих героев и поглядеть землю, и все же писавший торопливо, еще не поняв души ни людей этих, ни природы вокруг; он, заскучав, торопившийся куда-то, где все будет иначе — лучше, интереснее, — ни разу не испытал потребности написать родные места и людей, среди которых вырос, ни разу не вспомнилось ему ничего из того, что сейчас оживает в душе и наполняет ее щемящей нежностью, словно возвращая к истокам, давшим ему живопись».

Лишь верпнувшись ко всему этому и увидев его совсем по-иному — сквозь годы разлуки, сквозь страдания и смерть, уже стоящую на пороге, он начал работать во всю мощь своего дарования: «жил работой, бредил ею во сне... ничего вокруг не замечал». И... опоздал. Истины, которые дались ему теперь, чудесные озарения, совершенство, к которому уже шел, — все это так и не досталось людям.

Не состоявшаяся творческая судьба талантливого человека — драма не только самого этого человека, но и общества, которому он принадлежит. С этим и связана особая, нередко откровенно полемическая острота произведений о художниках. Авторы всех этих произведений обнаруживают истоки таких драм и в самих своих героях, и вовсе — в определенных обстоятельствах и явлениях общественной

жизни. Провинциальный корифей, благословивший юного художника на ремесленничество и халтуру, — одно из таких явлений. В романе Трифонова сама литературная среда, со всеми ее и подлинными талантами, и посредственностями, куда более боевитыми, чем таланты, и должностными лицами, с ее пенскрепными доброжелателями и искренними недоброжелателями, таит для настоящего художника столько же зла, сколько и добра.

А в повести А. Житинского «Снюсь» еще одно явление — потребительское отношение к искусству, получающее, пожалуй, все большее распространение.

«Снюсь» — повесть несколько фантастическая по форме и абсолютно реалистичная по содержанию. Ее герой, инженер, случайно обнаруживает в себе удивительный дар — способность показывать людям сны. И не какие попало, а те, которые он либо предварительно сочиняет, либо преподносит в порядке импровизации. В первое время он расходует этот дар для собственного удовольствия: не упускает случая подшутить над начальством, озадачить приятеля, заинтриговать хорошенькую сотрудницу. Потом творит сны по просьбам друзей и знакомых, всякий раз поражая их богатством своей фантазии, свежестью ощущений, которые им приносит, тем, какие нечаянные, но тем более убедительные нравственные уроки содержат эти сны.

Но приходит пора, когда Снюсь, как именуют теперь героя, начинает творить профессионально — в качестве артиста эстрады. Вместе с гипнотизером, усыпляющим зрителей, он «демонстрирует» один и тот же согласованный, отредактированный и утвержденный развлекательный сон перед многочисленными аудиториями по разным городам и весям. Развлекать публику — в этом и состоит, внушают Снюсю, его «благородная миссия». Однако удовлетворения эта миссия приносит ему все меньше.

Особенно губительными для дарования Снюся стали гастроли по Крыму. «Курортная атмосфера неблагоприятно действовала на меня. Море шелестело, как купюры. Цикады звенели, как монетки. Вокруг было наглое торжество обнаженной плоти — пляжные девочки, преферансные мальчики, пьяные глаза, грязные тарелки.

Никого не пугал конец света. Боялись опоздать на поезд, пропустить фильм, занять плохое место на пляже, неровно

загореть, потолстеть, похудеть — но конца света не боялись».

Развлекая эту публику — уже через силу, только бы завершить гастроли, — Снюсь в конце концов пришел к полному творческому бессилию. Но ему еще суждено было убедиться, что не только на курортах — повсюду все больше распространяется разновидность людей, для которых смысл всего бытия состоит в получении удовольствий и которые убеждены, что задача искусства обслуживать их, развлекать и ублажать.

«Зачем нам ваши сны, книги, картины, фильмы, если они мешают жить? — наступает на Снюся один из таких потребителей искусства. — Я честно работаю и зарабатываю свои деньги. Я полезен обществу, да-да! Как я провожу досуг — это мое личное дело. Я должен отдыхать, набираться положительных эмоций... И тут являетесь вы и пачинаете пробуждать во мне совесть».

Эти речи вызывают у Снюся как раз обратную реакцию. Охватившую было его апатию взрывает ярость. Против подобных потребителей искусства. Против потребительского отношения к жизни вообще. И тогда к нему возвращается его дар. Теперь уже зрелый и могучий.

Кинорежиссер Мадис Картуль в романе Э. Ветсмаа «Сребропяхи» до сорока лет никаких мук и радостей творчества не испытывал да, собственно, еще и не был режиссером. Занимал в киностудии административные должности. Достиг высокого положения. Но с некоторых пор стало преследовать его «некое чувство остановки, некое чувство стоячей воды». Ни у жены, ни у старых друзей этого чувства не было. А у него было. И началось падение Мадиса. Солидный человек, заместитель директора студии по хозяйственной части, «отправился на выучку к монтажникам». А еще через год «уже не восседал в желтом кресле, а был ассистентом режиссера в отделе хроники».

Никакого стремительного взлета на режиссерском поприще у Мадиса не случилось. Снимал небольшие документальные и научно-популярные фильмы — «о силосе, о рахите у поросят, о вывозке навоза», — ссорился с начальством, потерял друзей, жену, высокую зарплату. И лишь двадцать лет спустя, в шестьдесят лет ему доверили снимать первую художественную ленту. Да и то несложную, не тре-

бующую глубоких творческих изысканий — вестерн об известном в свое время конокраде Румму Юри, которого сценарист возвел в ранг эдакого эстонского Робин Гуда.

К тому времени долгие годы дремавший в Мадисе дар художника созрел и окреп. Но именно поэтому его работа над фильмом оказалась не легкой творческой прогулкой, а поистине драматичной борьбой. И легковесность сценария, рассчитанного на невзыскательные зрительские вкусы, и соображения руководства студии, и игра актеров, специально подобранных для вестерна, — все приходит в противоречие с художническим видением Мадиса. И шаг за шагом, то и дело рискуя своей режиссерской карьерой, он так поворачивает постановку, что резко меняется сам ее замысел, и вместо чисто развлекательной ленты рождается глубокий, исторически достоверный, подлинно жизненный фильм.

Особенность романа Э. Ветемаа состоит в том, что работа настоящего художника не описана в нем, а показана изнутри.

Вот Мадис за монтажным столиком просматривает только что отснятую сцену — одну из самых эффектных в фильме.

«Изрядно подвынивший барон, пошатываясь, поднимается по лестнице вслед за возлюбленной Румму Юри в каморку на чердаке корчмы... Сейчас тебя заманят в постель, ты сбрасываешь с себя одежду, ее — вжик! — моментально крадут, ты стоишь в чем мать родила. Маре куда-то испаряется...

...Теперь лицо барона, крупный план. Нога Мадиса отпускает педаль, кадр останавливается. Стоп.

И-да, этот крупный план придется вырезать. Барон слишком симпатичен: никакой он не похотливый деспот, взгляд его неглуп и грустен. Мадис даже сочувствует этому человеку. Ведь очень понятно: какой старый конь от овса откажется? Дома тебя дожидается твоя здоровенная кариатида, дети и заботы, требования из Петербурга и жалобы крестьян, а здесь смеется молодая светловолосая женщина, смеется обещающе и лукаво... Неважно с тобой обходятся, господин барон.

Если ты нас не посмешишь, если мы не испытаем никакого злорадства, то фарс потеряет всякий смысл.

Но почему непременно фарс? И обязательно ли вызы-

вать у зрителя злорадство? Ведь и среди баронов, «кроме спесивых деснотов были вольнодумцы, покровители наук, собиратели фольклора».

Мысли Мадиса мечутся. Голова идет кругом, и вдруг его осеняет: «Барон должен нравиться Маре, невесте Румму Юри, вот что здесь нужно! Силы небесные! Какие подтексты тут возникнут, какая драма может получиться!» Но... «одно изменение приведет к другому. Керсти в качестве новой Маре уже не годится. Она слишком самоуверенна, слишком красива, искушена. Такая девушка запросто не влюбится... Тяжелая история — придется расторгнуть еще один договор».

Этот расторгнутый договор окажется, увы, не последним. И еще будут острые стычки с актерами, с художником, с ассистентом режиссера, с ведущим режиссером студии. И драматичный конфликт с пиротехником, который едва не покончит с собой. И скоротечный роман с костюмершей, который послужит еще одним лыком в строку и без того многочисленных грехов и провинностей Мадиса, но как ни странно, поможет ему найти несколько ценнейших режиссерских решений. И все это вместе взятое в конце концов увенчает подлинный, не только заслуженный — выстраданный успех Мадиса. Первый большой успех... в шестьдесят лет.

Столь долгий путь художника к признанию не такая уж и редкость. Другое дело, что не всякому удастся пройти такой путь, сохранив для творчества силы — и физические, и душевные...

В повести Житинского один ответственный работник филармонии говорит Спюсю: «Осознать себя художником — это значит осознать ответственность. Значит халтурить уже нельзя, лениться нельзя, кое-как — нельзя, бездумно — нельзя!»

Вот на этих словах хочется и остановиться.

И ЕЩЕ О РАЗНОМ

Отведенная для обзора журнальной прозы 1981 года «жилплощадь» уже почти полностью заселена, а некоторые произведения, в том числе и такие, которые оказались явлениями весьма заметными, остались неупомянутыми. На это есть, впрочем, свои более или менее веские причины.

Конечно, нельзя пройти мимо романа Г. Маркова «Грядущему веку» («Знамя», № 3). Но обстоятельный разговор о нем пока невозможен хотя бы потому, что опубликована лишь первая, вводная, его часть, в которой автор только представляет читателю своего героя, секретаря обкома партии Соболева. Общий замысел романа еще неясен, а гадать о том, как развернется действие в последующих частях, вряд ли имеет смысл.

Ясно одно: Марков стремится создать образ положительного, если не сказать идеального, героя, образцового партийного руководителя, которому люди могут без оглядки доверять и собственные судьбы, и судьбу своего края. Ведет ли писатель рассказ о событиях, предваряющих появление Соболева на высоком посту, представляет ли других руководителей области, разворачивает ли череду многочисленных встреч секретаря обкома с самыми разными людьми — все это «работает» на его, секретаря, образ, все подчинено одной цели — показать государственную мудрость Соболева, его организаторский дар, хозяйственную хватку, высокие нравственные качества и т. д. Естественно, фигура Соболева привлекает и запоминается, и теперь остается ждать продолжения романа, чтобы посмотреть, как сложатся события, в которых Соболеву, очевидно, суждено быть центральной фигурой, к чему приведет он область, во главе которой поставлен.

Не нашлось в обзоре места и для двух романов, весьма своеобразных по форме и содержанию и сразу же замеченных читателями и критикой, но именно в силу особенного их своеобразия не прижившихся ни в одном из разделов, на которые, ради удобства классификации, настоящий обзор поделен. Это романы М. Зарина «Фальшивый Фауст, или Переработанная поваренная и приспешничья книга» («Дружба народов», № 7, 8) и Е. Евтушенко «Ягодные места» («Москва», № 10, 11).

В «Фальшивом Фаусте» читателя ожидает дикий смешь элементов плутовского романа и исторического повествования, веселого авантюризма и сложной политической борьбы, стилизованного, «со старинными оборотами речи» и вполне современного литературного языка.

Действие романа происходит в 30-е годы в Латвии, и политическая борьба, о которой идет речь, это борьба демо-

кратов и антифашистов против надвигающейся на республику коричневой чумы, против исповедующих фашизм немецких землячеств и их покровителей из латышской реакционной буржуазии. Но ее изображение получает необычный гротескно-драматический характер да к тому же предвещается и сопровождается полуфантастической историей, которая и даст роману название — «Фальшивый Фауст...»

Студент и странствующий музыкант, именующий себя Кристофером Марловым, словно Мефистофель Фаусту, дарит молодость и любовь престарелому аптекарю Трэмпедеху. Не бескорыстно, конечно, но и не за душу Трэмпедехову, которая ему совершенно ни к чему, а за авторские права на поваренную книгу, написанную аптекарем в дни молодости и пригланувшуюся Кристоферу настолько, что он жаждет перелицевать ее, дополнить и издать под собственным именем.

Знакомство Кристофера с Трэмпедехом, процедура омоложения старца, вторая жизнь новоявленного Фауста и собственные приключения Кристофера — все это составляет как бы плутовскую фабулу романа, которая в первой его части носит фарсовый характер, а затем, во второй части, где речь идет об обострении борьбы против фашизма, получает трагифарсовое продолжение.

«Фальшивый Фауст» — это увлекательное чтение, доставляющее довольно необычное удовольствие, но одновременно заражающее все более острой тревогой — той, которой была полна атмосфера всей международной жизни в годы утверждения фашизма и которая не оставляет нас и теперь.

Основные особенности романа Е. Евтушенко «Ягодные места» очень хорошо определены во вступительном слове, написанном Валентином Распутиным:

«Этот роман невозможно втиснуть в прокрустово ложе привычного и замкнутого представления о романе. Он шире, во-первых, по внешним признакам, его границы — государственные, географические, временные и земные — раздвинуты, и общая мысль потому объемнее; в этом отношении роман удивительно свободен, неожиданен и раскрыт, как может быть свободна, неожиданна и раскрыта сама жизнь...»

Я бы назвал «Ягодные места» агитационным романом

в лучшем смысле этого слова. Это соединившая в себе литературу и гражданственность агитация за все лучшее в нашем обществе, за все лучшее в человеке и лучшее в мире»...

«Ягодные места» действительно не умещаются в привычные представления о романе. Хотя кто нынче знает, каковы они, привычные, если романами именуются и обыкновенные, разве что растянутые, очерки, и чистой воды воспоминания, и страшные репортажи.

Словно специально для того, чтобы подчеркнуть своеобразие своего творения, Евтушенко прежде всего меняет местами пролог и эпилог. Открывается роман пространным, представляющим собой самостоятельный рассказ... эпилогом — о жизни, любви, семейных отношениях некоего космонавта, который так и именуется Космонавтом. А завершается столь же пространным прологом, основное содержание которого — философские раздумья К. Э. Циолковского.

Ни друг с другом, ни с содержанием всего романа эпилог и пролог непосредственно не связаны. Да и весь роман состоит из многих и, по существу, тоже самостоятельных новелл, герои которых — сибирские крестьяне и московские школьники, геологи и живописцы, люди разных эпох и разных национальностей, связанные лишь тем, что все они, всяк по-своему, кто словом, а кто делом, агитируют, как сказал Распутин, за все лучшее в человеке и в мире. Как правило, это живо и смело написанные новеллы. Но гражданственность в них преобладает над литературой, а над гражданственностью, в свою очередь, преобладает неизменно отличающая прозу Евтушенко тяга ко всякого рода эффектам — сюжетным и фразеологическим, эмоциональным и смысловым.

Так или иначе читается роман с увлечением, но впечатление от него смутное, двойственное.

Несколько слов необходимо сказать о повестях, принадлежащих к психологической прозе. В их числе повести Г. Щербаковой «Дверь в чужую жизнь» («Юность», № 9), А. Борщаговского «Была печаль» («Октябрь», № 9), И. Лаврова «Волшебные камыши» («Сибирские огни», № 12), Л. Вакуловской «Не дай угаснуть костру» («Дальний Восток», № 3), Л. Хахалина «Последние каникулы» («Юность», № 2). Каждая из них, особенно «Дверь в чужую жизнь» и «Была

печаль», заслуживают серьезного и обстоятельного разговора. И очень жаль, что для такого разговора уже не осталось места.

Герои этих повестей — интеллигенты: учителя, врачи, журналисты. Сами их профессии требуют от них постоянного общения с людьми и обостренного внимания к ним. И собственные их души утоплены настолько, что с чрезвычайной остротой воспринимают они и добро и зло. Оттого нравственные, семейные, любовные конфликты, в которых участвуют эти герои, оказываются особенно напряженными.

Два слова о детективах, опубликованных журналами в минувшем году. Несомненно, самый удачный из них «Агония» Н. Леонова («Юность», № 4—6). Можно рекомендовать еще два произведения: роман Ю. Усыченко «Тайфун» («Дальний Восток», № 8—10) и повесть М. Михеева «Сочинский вариант» («Сибирские огни», № 6).

А в заключение остается еще раз подчеркнуть, что этот обзор охватывает далеко не все произведения журнальной прозы 1981 года и что, очень может быть, в числе пропущенных оказались и такие, которые достойны читательского внимания.

Владимир Георгиевич Боборыкин

ПРОЗА—1981

Главный отраслевой редактор *В. П. Демьянов*

Редактор *Н. М. Краснопольская*

Мл. редактор *О. А. Васильева*

Худож. редактор *М. А. Гусева*

Техн. редактор *И. Е. Жаворонкова*

Корректор *Н. Д. Мелешкина*

ИБ № 5191

Сдано в набор 13.07.82. Подписано к печати 14.09.82. А 02908. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,8. Усл. кр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,53. Тираж 79 850 экз. Заказ 1349. Цена 11 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 827010.
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

11 коп.

Индекс 70069

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ